

Вячеслав ЯДАГАНОВ

**Семь
лампочек**

Рассказы

Ядаганов В. А.
«Семь лампочек». Рассказы. 2020 г. – 144 с.

© Ядаганов В.А., 2020

От автора

Дорогие мои читатели, добрый день!

Вот и третья наша встреча случилась. У вас в руках очередная моя небольшая книжка. Когда собирается некоторое количество готового материала, хочется, чтобы все это приобрело печатный вид. Одно дело – видеть свои рассказы на разных листочках, другое – когда это все компактно собрано в новой книге, напечатанной в типографии, пахнущей ее красками, с пронумерованными страницами, с содержанием...

Да, в этой книге собраны рассказы. Если в первых двух были описаны события, которые действительно происходили в жизни с реальными людьми, то в этой – несколько рассказов. И оказалось, их интересно писать. Если в «Осколках» ты знаешь, о чем будешь писать, потому что видел или слышал, как все происходило, то здесь ты как бы наблюдаешь за героями. Разумеется, какая-то сюжетная линия она всегда есть в начале, но иногда по ходу написания и она может поменяться. Прервав начатый рассказ, ты потом с нетерпением торопишься продолжить, потому что тебе самому интересно, что будет дальше: что будут говорить герои, как они будут действовать в тот или иной момент. А ты только успеваешь записывать, что они говорят и делают.

Вторую книжку я также раздал друзьям. В Улагане, в Горно-Алтайске, в Новосибирске.

Заходили в гости как-то мои давние знакомые, педагоги Сибирской государственной геодезической академии (по старому) – Москвин Виктор Николаевич и Колоткин Михаил Николаевич. Профессоры, доктора наук. Виктор Николаевич – знаменитый «морж», который всю зиму

три раза в неделю купается в Оби. Установил несколько рекордов по плаванию в холодной воде, плавал в Беринговом проливе, высокогорном озере Титикака (3810 м), озере Лох-Несс в Шотландии. Показывал фильмы об этих заплывах, рассказывал ребятишкам как и что делать, чтобы многого добиваться в жизни.

Михаил Николаевич – заведующий кафедрой гуманитарных наук. Замечательный собеседник, все знает об истории Сибири, ее коренных народах. Подарил свои книги о жизни в Сибири в тридцатые, сороковые годы прошлого века. Очень интересно.

Как-то ко мне на работу заходил Пустовой Николай Васильевич. Много лет работал ректором НГТУ, теперь стал Президентом университета. Мы живем недалеко от университета, поэтому иногда встречаемся на улице.

Все они участвовали в поездках по Улаганскому району, когда мы приглашали ректоров и преподавателей, о чем я написал в «Журавлях и ректорах» в первой книге. И когда встречаемся, обязательно вспоминаем, как все происходило во время этих поездок.

– Про журавлей ты неточно написал, Вячеслав Алексеевич, – говорит Михаил Николаевич. – Их было пятьдесят два, я точно помню, сам считал.

Приятно, что, несмотря на то, что прошло много времени, помнят они все в мельчайших подробностях про эти поездки. Подарил им свои книжки.

Созваниваюсь со своей одноклассницей Тамарой Музыковой. Она уехала на Сахалин, на заработки. И живет там уже шесть лет. Я понимаю, каково это – жить далеко от родины, не видеть родных и близких. Но нужно решать проблемы. Когда она позвонила, что достала мою первую книжку и прочитала, выслал ей вторую. И нам она выслала посылку: подарок Шанкы и две книжки самодельных писателей, как я. Сколько людей, столько и судеб. В новогоднюю ночь она позвонила, проговорили целый час.

В будущем году будет уже сорок пять лет, как мы школу закончили. Хотелось бы и про школьные годы что-то написать. Но трудно загадывать. Как все сложится...

Прочитав мои книжки, Колоткин Михаил Николаевич через пару дней звонит: «Слушай, а здорово получается. Пиши дальше, а я отзыв напишу». Его отзыв я обещал поместить в третьей книге. Что и делаю.

А вам всем я пожелаю хороших друзей, добрых и теплых отношений с ними.

Отзыв М.Н. Колоткина

Уважаемый читатель!

По-разному приходят в литературу писатели, однако подавляющее большинство вступают на это поприще молодыми. У автора книги, которую ты держишь в руках – Вячеслава Алексеевича Ядаганова все было по-другому. Правда, пробовать свои силы в сочинении стихов юный Слава стал, будучи еще учеником Горно-Алтайской национальной школы. Сегодня у него за плечами долгая жизнь, наполненная разными событиями и датами. Родился автор в одном из красивейших мест – Улаганском районе Республики Алтай и навсегда остался его патриотом. Вышедшие в 2019 году в Горно-Алтайске и Новосибирске две его книги «Осколки» и «Осколки 2» в большинстве своем наполнены земляками. А «осколки» в понимании автора – это кусочки жизни, разные. В его книгах не найдешь описание природы, философских размышлизмов, это небольшие рассказы и миниатюры, некоторые в стихах, несущие свои смыслы. Вот одно из них:

Река ручей однажды пристыдила:

– Какой ты мелкий и смешной.

– А не было б ручьев, – ответом было, —

Не быть тебе такой большой!

Люди, о которых пишет Вячеслав Ядаганов, всегда реальные. Каждый персонаж его рассказов имеет фамилию, имя, отчество. В рассказе «Журавли и ректоры» описаны события в Челушманской долине и Телецком озере, в которых принимал участие и автор этого отзыва. Вячеслав Ядаганов, будучи в то время избранным главой своего родного Улаганского района вместе со своим коллегой из Кош-Агача организовывал поездки сибирских ученых и

преподавателей тех вузов, где учились студенты их районов, по Горному Алтаю.

В рассказе «Мост Арсентия Санаа» Вячеслав Ядаганов рассказывает о своем опыте работы прорабом у директора знаменитого совхоза «Советский Алтай» Арсентия Васильевича Санаа, у которого он учился отношению к делу и людям, с которыми его сталкивала жизнь. Его первая и главная профессия – инженер - строитель заложила в нем стремление к созиданию. И за что бы ни брался Вячеслав Ядаганов, в большинстве случаев это у него получалось.

На мой взгляд созревание писательского таланта Вячеслава Ядаганова обеспечило его природное умение без посредников заглядывать в лицо жизни. В своем творчестве он идет не от общих идей, а от конкретной реальности. Язык его прозы прост и этим он близок своему читателю. Видимо сказывается генетическая память его предков, среди которых было немало сказителей и кайчи. В своих рассказах он ничего не приукрашивает, не сглаживает углов, не пытается выглядеть лучше, чем есть на самом деле. И это в авторе привлекает, вызывает доверие.

И верится, что память писателя воскресит еще немало фактов, впечатлений, даст свою оценку прошедших и настоящих событий и появятся новые книги, новые «осколки». Пожелаем ему успехов!

М.Н. Колоткин

Доктор исторических наук, профессор.

ПОДАРОК

«Любимой мамочки от дочи Светки» – старательно вывела девочка внизу тетрадного листка. Работа была закончена. Теперь осталось подождать маму.

Она сегодня со школы пришла рано. Последнего урока не было, их отпустили и она сразу пошла домой. Почему-то сегодня ей хотелось, чтобы мама была дома. Но дом был на замке. На завалинке, под плоским камнем она нашла ключ, обмотанный веревочкой, долго вставляла его в большой замок, открыла дверь. Небольшой домик, в котором они жили с мамой, находился на самом краю села, около речки. Ограды вокруг дома не было, сараюшек и разных построек, как у соседей, также не было. Только покосившийся туалет, чуть поодаль.

Училась девочка во втором классе. Учиться ей нравилось, только она стеснялась своих рваных колготок. На коленках появлялись дырки, мама их штопала, но через несколько дней дырки появлялись снова. Поэтому она усаживалась на свою парту в предпоследнем ряду и не выходила никуда даже на переменах. Другие девочки с шумом выбегали на улицу, бегали, прыгали, а Светка сидела, делала вид, что читает и с завистью поглядывала на улицу в окно. А на уроке, когда учительница спросит, кто хочет выйти к доске, она вскинет руку вверх, но тут вспомнит про свои колготки, сразу руку и опустит. Если она выйдет к доске, пацаны с первых парт начнут показывать на ее ноги и будут корчить рожи. А на перемене будут смеяться. И девочки к ней тоже особо не подходили. Была у неё подруга, Варька, так она со второго

класса других подружек нашла. И осталась Светка одна. Поэтому сегодня, когда их рано отпустили, она торопилась домой, а девчонки и мальчишки, собираясь кучками, расходились кто куда. Светка аккуратно положила в сумку листок, на котором она на уроке рисования нарисовала большой цветок. Альбома у неё не было, учительница замечала, что она сидит и не рисует, приносила ей лист бумаги, говорила: «Альбом бы надо купить». Но сегодня она ничего не сказала.

Рисуя цветок, Светка вспомнила, как они с мамой гуляли за речкой; ей было, может, три, может, четыре года. Мама высоко подбрасывала ее к небу, она визжала; потом они играли в догонялки, валялись на земле, среди красивых цветов. Из них они собрали большой букет, принесли домой и поставили в банку с водой. Мама испекла пироги, они ужинали, смялись...

В доме было прохладно. Светка хотела затопить печку, мама ее научила, как топить, но дров около печки не было. На улице наколотых дров тоже не было. Она решила наколоть. Взяла топор из дому, подошла к чурке и попыталась отколоть от нее поленья. Но сил не хватало. Приподняв топор, она опускала на чурку, но это делать нужно было с силой, которой у нее не было. Она еще немного помучилась и понесла топор обратно. Взяла ведро и пошла к речке – за водой. К речке она ходила с удовольствием. Иногда там и застрянет: то цветы начнет разглядывать, то мелких рыбешек в воде. Но сегодня она торопилась. Принесла воды полведра, вскипятила чай. В шкафу она нашла сухари, сахар, налила в чашку чай, обмакивала сухари в чашку с чаем, потом в чашку с сахаром – и в рот.

Сухари попеременно с сахаром хрустели в зубах, она запивала все это горячим чаем. Она поела.

Убрав быстро посуду со стола, вытерев его тряпкой, она выложила на стол лист бумаги, который она принесла

из школы. Стала рассматривать свой рисунок. Под рисунком стояла цифра пять. Она всегда по рисованию получала пятерки. Вот только альбом бы купить. Она перевернула листок. Она знала, что будет делать и как. Светка немного посидела, обдумывала. Это будет букет цветов. Но не рисованный. Она знала, как это будет. Нужны: краски, ножницы, листочки бумаги, клей. Светка все это нашла, разложила на краю стола. Налила в чашку воды – это для акварельных красок.

И началась работа. На старом тетрадном листочке она рисовала листья, лепестки цветка, стебельки. Вырезала ножницами, разукрашивала разными цветами. Дав высохнуть, она их склеивала, лепесток к лепестку, некоторые, приклеив с одного края, сворачивала в трубочку, склеивала с другого края, получались объемные части цветов. Если что-то Светке не нравилось, она отрывала, приклеивала новые листочки, прилаживала стебельки один к одному. Медленно, но работа продвигалась. Уже и солнце осеннее скрылось за горами, стало темнеть. Она включила свет, работа продолжалась. Светка торопилась. Она хотела успеть до прихода мамы. Она не знала, когда она придет и придет ли.

Наконец работа была закончена. Светка приподняла листок, он был уже объемным, тяжелым. Прислонила к чайнику, отошла, начала смотреть. Букет цветов получился как настоящий. Стебли, на которых располагались листочки, переплетаясь друг с другом, уходили вверх, а наверху – цветы. Они были пышные, красивые, разной окраски и размера. Цветы были объемными, издали они были как настоящие. Светка стояла и любовалась.

Дверь открылась резко и со скрипом. Она всегда скрипела, когда ее открывали.

– Тебе сколько раз повторять, чтобы ты занавески закрывала? Не можешь даже шторы закрыть!

За дверью стояла женщина. Она наклонилась, чтобы войти в дом – двери были низкими, – но, не удержав равновесия, распласталась на пороге: голова и туловище оказались в доме, а ноги на улице. Громко матерясь, она шатаясь, встала на ноги. Лицо ее было опухшим, волосы ключьями раскидались на голове, платок сполз на плечи. Она была сильно пьяна. Это была ее мама.

Светка бросилась было к маме, закрыв за ней дверь, но мама грубо оттолкнула ее и не снимая куртку, плюхнулась на стул.

– Почему в доме холодно, почему печку не топишь?

– Мама, я хотела затопить, но дров не было, а наколоть я не смогла.

– Не смогла она... А что ты вообще можешь, сидишь на моей шее.

Мама стянула с себя куртку, бросила на пол. Она даже сидя шаталась.

– Что жрать сготовила?

– Ничего, я чай попила.

– Чай она попила. А о матери подумала? Не можешь даже картошку сварить!

– Картошка кончилась, я хотела сварить.

– Сходила бы к Петькиным, полведра Манька бы дала.

– Так я у них брала уже, неудобно снова идти просить. Мама, а где ты была?

– Не твое дело! Где была, там и была!

Мама стянула с себя платок, смахнула на пол.

Светка подняла платок и куртку с пола, повесила их, подошла к маме, улыбнулась.

– Мама, я тебе подарок приготовила.

Женщина ничего не отвечала. Сидя у края стола, облокотившись руками о голову, она бессмысленно поглядывала по сторонам, что-то бормотала. Светка не расслышала.

– Мы в школе цветы рисовали, а потом я решила тебе подарок сделать. Помнишь, когда я была маленькая, мы цветы собирали, и собрали большой-большой букет. Так вот я такой букет сделала, смотри.

Светка показала на чайник, к которому был прислонен подарок. Мама кинула взгляд туда, куда показала дочь. Вдруг глаза мамы стали злыми, она вскочила, схватила этот лист бумаги, скомкала, разорвала и бросила на пол. Сама, шатаясь, снова что-то выговаривая непонятное, пошла к койке. Рухнула на нее и осталась так и лежать.

Светка подбежала к остаткам маминого подарка, подняла и стала разглаживать разорванные листочки. Нашла на полу и несколько стебельков и лепестков от цветов. Разложила их на столе и долго над ними колдовала. Потом подошла к кровати. Мама как упала, так и лежала. Светка стянула с нее обувь, попыталась было одежду снять, но убедившись, что не получается, кое-как вытащила из-под нее одеяло. Оно было большим, они обе умещались под этим одеялом. Спали они вместе: кровать была одна. Светка пододвинула к кровати стул, поставила на него чайник: знала, что мама будет ночью воду просить. Потом крепко прижалась к маме, чтобы согреться, и уснула...

Наступило утро. Женщина на кровати зашевелилась, откинула одеяло, приподнялась, схватила чайник и жадно стала пить воду из горлышка. Потом, чуть не падая, нашла обувь, накинула куртку, взяла топор и пошла на улицу. Через некоторое время принесла несколько поленьев и стала растапливать печку. Нашла между печкой и стеной дома обрывок газеты, на растопку. Но бумаги было мало. Женщина пошла по дому, взгляд остановился на листе бумаги, лежащей на столе. На листочке еще были какие-то кусочки бумаг разных цветов. Она скомкала этот листок, положила между поленьями, набросала несколько лучинок, сверху наложила еще поленьев, поднесла к бумаге

зажженную спичку. Бумага нехотя, но разгорелась. Пламя охватило всю бумагу, выросло, поджигая и лучинки. Женщина пока не закрывала дверцу печки, ждала, чтобы огонь разгорелся.

Газетный обрывок сгорел почти полностью, а листок со стола еще горел. Вдруг он стал выпрямляться, и из огня появились красивые цветы. Но пламя их быстро пожирало, лепесток за лепестком. Женщина заворожено на них смотрела. И как будто что-то вспомнив, начала раскидывать верхние поленья, стала тушить голыми руками огонь, скинула остатки бумаги на пол, прихлопывая еще не потухшие остатки огня на остатках бумаги. Но это был уже пепел, почти ничего не осталось...

Огонь в печке потух, а у печки сидела женщина, наклонившись над остатками обуглившихся листочков бумаги, вперемежку с печной золой. И на них падали капли: слезы...

Несгоревшим остался только кусочек бумаги, на котором можно было разобрать: «Любимой мамоч».

ДЕТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА

Гости расходились. Последним из-за стола, кряхтя, одной рукой вытирая губы, другой найдя самодельную тросточку и опираясь на нее, вылез дед Петя. Подошел к порогу комнаты, повернулся, посмотрел на стену, что-то пробормотал, перекрестился и заковылял к выходу. Он жил недалеко, через два дома.

А на стене висел портрет его соседа, ровесника, они прожили рядом, по соседству несколько десятков лет. Портрет был в рамочке, под стеклом. Фотография пожилого человека в форме работника лесного хозяйства. Пиджак, рубашка с галстуком, фуражка. Это был Коля, как называл его сосед Петр, Николай Иванович – для коллектива лесхоза, где он работал в последние годы. Окончив лесной техникум, Николай трудиться начал лесником, поработал около года, сходил в армию, продолжил работать там же, в родной деревне. Женился, а через семь лет пригласили его в лесхоз, в райцентр, на повышение, стало быть. И проработал он в лесхозе всю жизнь. На разных должностях, не сказать, что на сильно высоких, но и не рядовых. Односельчане его уважали, даже побаивались – как-никак хозяин леса, а кто на заготовках дров в лесу закон не нарушает. Выйдя на пенсию, нянчился с внуками, правнуками. И вот когда шел семьдесят пятый год, умер. Супругу он похоронил двумя годами раньше. У них был большой двухквартирный дом. Когда по молодости он приехал в райцентр, лесхоз выделил его семье квартиру в этом доме, а позже, во времена приватизаций он приобрел и вторую квартиру, когда ее хозяева переезжали.

И вот сегодня, через сорок дней после кончины Николая Ивановича, проходили его поминки. Пришли соседи, коллеги из лесхоза, кто с ним работал. Приехали дети. Первым ребенком у Николая Ивановича была дочь. А теперь это была высокая полная женщина, Тамара Николаевна, сейчас она убирала тарелки со стола, уносила в кухню. Она жила в другом районе, по молодости еще вышла замуж, уехала, родила двоих сыновей, они выросли, женились. Помогали Тамаре Николаевне убирать со стола, мыть посуду две дочери второго ребенка Николая Ивановича, а теперь взрослого мужчины, Петра, который сидел на диване и рассматривал фотографии. Он работал шофером, практически всю жизнь. В разных организациях и предприятиях, но только водителем. Жил он здесь же, в райцентре. С супругой и старшей дочерью в отдельном доме. А здесь, в этом доме, во второй половине жила его младшая дочь с маленькой дочерью. Вышла замуж, но через пару лет развелась. Второй сын Николая Ивановича, средний – тоже Николай, был также женат, родились у него тоже две дочери, как у Петра: старшая уже взрослая, вышла замуж, уже воспитывала сына, другая дочь, младше, училась в институте. Николай с семьей жил на краю деревни, он отстроил большой дом. Сейчас он стоял на улице, у калитки, о чем-то говорил с дедом Петром. Был еще один сын у Николая Ивановича, младший – Васька, Василий. Правда, Василием его никто не называл. Для своих братьев и сестры всю жизнь он был Васькой. Они никак не могли взять в толк, почему его так любят отец с матерью, все время они на его стороне. А за что? В школе учился шалаяй-валяй, ходил в армию, после армии нигде толком не работал, хулиганил, пил, попал в тюрьму. Отец туда ездил к нему два раза. После тюрьмы тоже толком нигде не работал, потом уехал на Север и пропал. Вернее, давал о себе знать изредка: раз, два раза в год или пись-

мо родителям напишет, или позвонит. Даже на похороны отца не приехал, не могли его найти. Позвонил уже после похорон, обещал, что на сорок дней приедет обязательно. Не приехал.

Девчонки Петра помогли тете Тамаре быстро управиться с посудой, помыли пол и убежали. Тамара Николаевна вскипятила чай, позвала братьев.

Все собрались за столом в комнате, где они росли. В этом доме они учились ходить, разговаривать, дрались друг с другом, а теперь выросли, сами уже стареют: дети уже взрослые, внуки пошли. Сидели втроем, два брата и сестра, молча пили чай, а со стены на них смотрел их родитель, папа, отец. В рамочке, перевязанной черной лентой.

Прервала молчание старшая из детей Тамара:

– Я говорила вам, что после поминок соберемся все, про этот дом поговорим, отцовский. Волю отца доведу до вас. Нет только Васьки. Хотя он позвонил, сказал, что приедет обязательно. Ну да ладно, нет, так нет. Отец мне несколько раз говорил, кому дом оставить, спрашивал, советовался. Я говорила, как хотите, так и делайте. Но он так и ничего не решил. В общем, он сказал так: «Как сделаешь, так и будет. Хочешь, сама его забери, хочешь, братьям кому отдай. Дом-то большой, две квартиры все-таки». Она посмотрела на братьев. Они молчали. Сестра продолжила:

– Нас четверо. Я решила так. Мне ничего не надо. Остаются вы, три брата. Три брата и две квартиры. Я и хотела с вами по этому поводу поговорить, посоветоваться.

– А Васька-то знает, ты у него не спрашивала? – спросил Петр, глотнув чая из бокала.

– Нет, только говорила, что про дом речь пойдет.

– Ну, раз не приехал, и не нужна ему квартира. Даже на похороны не мог появиться! – это был снова Петр. – А ты как думаешь, Коля?

– По закону, конечно, все должны взять свою долю. Прямые родственники мы, четверо детей. Соответственно, продать дом, а деньги поделить на четверых.

– Здесь закон, Николай – слово отцовское, – ответила Тамара. – Он сказал, чтобы я решала. А я говорю – вас три брата и две квартиры. Вот и решайте.

– Как говорит Коля, – сказал Петр, – не пойдет. Как продать? А Танька моя куда? Да и дом этот отцовский, отец же с матерью хотели, думаю, чтобы в нем дети ихние жили.

– Я не говорил, чтобы обязательно продать. Я говорил, как по закону.

– Ладно, не спорьте, – сказала Тамара, – лучше подскажите, как две квартиры на троих разделить.

– На троих? А Васьки же нет. А может, ему и не нужна никакая квартира, – зло бросил Петька.

– Я так думаю, – Петр встал из-за стола, стал ходить по комнате. – Раз Петька не приехал, хотя знал, о чем будет разговор, то ему ничего не надо.

– Тем более, он и не из-за квартиры должен приехать, а родного отца помянуть. Ладно, про похороны не знал, а про сорок дней-то знал, обещал приехать, – вставил Николай.

– И? Решение? – Тамара посмотрела на братьев.

– А чего решать? Одна квартира моя, а вторая – Николая. В моей Танька уже живет. А Колька свою пусть детям отдаст. Или продаст, его дело. Да, Николай?

– Я продам. Деньги нужны. Хоть часть ипотеки погашу, все меньше будет сумма.

– Кто-то там, около ограды, маячит, – Петр смотрел в окно. – По-моему, почтальон, бумажкой машет.

Тамара подошла к окну, посмотрела: «Да, почтальон. Коля, сходи, узнай». Сама в ответ махнула рукой в окно – «сейчас выйдут, мол».

Коля вышел, Петр с сестрой смотрели в окно. Николай подошел к женщине, стоящей около калитки, взял бумажку, ручкой, что подала женщина, сделал движение в другой бумажке, и, не отходя от калитки, стал читать. Постоял, посмотрел вслед почтальону, снова уткнулся в бумажку, кинул взгляд в сторону окна. По движению, по выражению лица Петр с Тамарой поняли, что там, в бумажке, что-то тревожное. Николай пошел в дом. Брат с сестрой отошли от окна, сели на диван, с тревогой смотрели на дверь. И почти одновременно у них вырвалось: «Что?», когда зашел Коля. А он прошел к столу, посмотрел на брата с сестрой, положил бумажку на стол: «Телеграмма. Васька умер».

– Как?! – Тамара встала, подбежала к столу, взяла этот листок бумаги, стала читать. Потом медленно опустилась на стул. Петя тоже подошел, взял из руки сестры телеграмму, стал читать: «Так, село...Афанасьеву...Ивановичу... отчество... адресуется отцу... извещаем ваш сын умер...похоронили...числа...». Закончил, посмотрел на остальных: «Непонятно откуда».

– Да, откуда, – Тамара взяла в руку телеграмму, – откуда пришло? Обратного адреса нет. Штемпель тоже отсутствует. Похоронили десятого...уже полмесяца прошло.

– А адресовали отцу, это что? – Петя недоуменно покачал плечами, – Он же умер.

– А кто посылал, он откуда знает, что у Васьки отец умер, – возразил Николай. – Если Васька не говорил. Видимо, нашли адрес старый, и отправили.

Тамара спросила: «А кто-нибудь знает, где он работал? На Севере?» Посмотрела на братьев. Те покачали головами, не знали.

– В последний раз, – Тамара стала вспоминать, – когда он звонил, говорил, где живет. В ненецком округе где-то, адрес у меня есть. Домой надо позвонить, я записала. Да, дела. Что будем делать?

Никто ничего не говорил, сидели молча. Петр налил в стопки водки, выпили тоже молча. Наконец сестра сказала:

– Я найду адрес, созвонюсь, кто его знал, надо будет на могилку съездить. Далеко, правда. Со мной кто поедет?

Братья переглянулись. Петр сказал: «Да у меня автобус, кто меня подменит. Я не смогу».

Николай посмотрел на сестру: «Поедешь, дай знать, я денег вышлю. На дорогу».

Тамара укоризненно посмотрела на братьев.

– Одна съезжу, ничего. Старший сын, Генка – дальнотбойщик, по стране мотается, его возьму. Одной-то как.

Снова сидели, молчали. Потом вернулись к разговору о квартире. Начал Николай.

– И с квартирой тогда разрешилось. Документы-то у тебя, Тамара?

– Да, у меня. Тогда давайте так. Квартиры оформляем на вас двоих, а там смотрите сами. Продавайте, детям дарите, как хотите.

– Все ясно. Ладно, я пойду, – приподнялся Николай.

На улице послышался шум подъехавшей машины, которая с визгом тормознула у дома. Николай посмотрел в окно, сказал: «Подъехал кто-то... Выходят». Вдруг он так переменялся в лице, что Тамара с Петром кинулись к окну. Они глянули в окно, и через мгновение Тамара медленно отошла назад, нащупала спинку стула и медленно стала опускаться на него. Она что-то хотела сказать, но только показывала в окно рукой, губы шевелились, но голоса не было. За окном стоял старенький «Москвич», водитель помогал выйти пассажиру на переднем сиденье.

В одной руке у водителя были костыли, другой он взял под руку пассажира, у которого не было одной ноги ниже колена, помог выйти, подал костыли. Пассажир приладил под мышки костыли, и пошел к калитке. Это был Васька!

Когда Васька зашел, Тамара с ревом кинулась к нему. Обняла, стала целовать. Что-то говорила и говорила. А Петр с Николаем стояли, остолбеневшие. Васька посмотрел на них: «Братья, что, не узнаете? Это я, Васька, брат ваш!» Подошел к ним, протянул руку. Поздоровались. Николай подошел к столу, взял телеграмму, подал Ваське. Тот взял ее, мельком посмотрел: «А, телеграмма», кинул бумажку на стол. Николай спросил: «Так это твоих рук дело?» Тот махнул рукой, соглашался. «И как, Васька тебе не стыдно?!», – возмутился Петр.

А Васька сел на стул возле стола, пододвинул к себе стопку, налил водки, выпил.

– Что-то не пойму я вас, родственники. Я вот, перед вами, живой, невредимый. Нет, вернее, вредимый, нет одной ноги. Но подумаешь, живой ведь. А вместо ноги скоро протез сделают. А вы не очень-то довольны, как я погляжу.

– Как ты можешь над нами издеваться, посылать такие телеграммы, ты что, совсем?! – с яростью закричал Петр.

– Да разыграл я вас, не знаю, так получилось!

– За такие розыгрыши знаешь, что делают! – это был уже Николай.

– Да перестаньте же вы! – всхлипывая, Тамара подошла к Васе, присела на колени, обняла ноги его и снова зарыдала. – Что же ты с нами делаешь, Вася, как же так. Что с ногой то?

Васька сидел, откинувшись на спинку стула, ничего не отвечал. Его бледное напряженное лицо выдавало, как нелегко ему далась эта встреча, он ни на кого не смотрел. Тамара приподнялась, посмотрела на братьев: «Ой, что

мы, все вместе собрались, а как-то не по-человечески. Садитесь все за стол, сейчас чай согрею».

Тамара собирала на стол, Васька приподнялся, взял костыли, подошел к портрету на стене, погладил его, постоял. Вытер набегающую слезу, сказал тихо: «Прости, папа».

Подошел Петр, спросил: «А ты когда приехал-то?» Но Васька не ответил, пошел обратно к столу, сел на стул.

Остальные тоже сели, выпили, не чокаясь. Разговор не клеился. Васька ел, остальные смотрели на него, а он, не обращая внимания ни на кого, ел и ел. Неторопливо, долго. «Как жил-то, расскажи», – Тамара все не сводила глаз с Васьки.

Васька доел, отодвинул тарелку, посмотрел на своих родственников, остановил взгляд на Петре. Начал говорить:

– Приехал я, Петя, еще пять дней назад. Остановился у Витьки Черного, вы знаете его, друг мой, сейчас на «Москвиче» меня подвозил. А куда мне идти? Здесь – никого, в той половине дочь Петькина. Подъезжали и к Петькиному дому, и к Колькиному, не осмелился выйти... с такой ногой. Вот и жил эти дни у Витьки. А с телеграммой... Дурак, конечно. Выпили вчера с Витькой, и черт меня дернул, у него дочь на почте работает и у него дома несколько бланков телеграмм валялось, чистых. Я и черкнул. А сегодня Вале, дочери Витьки отдали, чтобы принесла. Она не хотела идти, еле уговорили, говорим, так надо. А как ушла, не могу места себе найти. Не вытерпел, Витьке говорю, вези меня к батькиному дому.

– Совесть, значит, проснулась? – ехидно спросил Петр.

Васька на это никак не среагировал, притянул к себе культю ноги, стал разглаживать.

– А нога...да, я только чрез неделю узнал, что отец умер. Я подсчитал, в тот день, когда он умер, мою ногу

отрезали. Спасти нельзя было. А как, что случилось – долго рассказывать. А когда я тебе, Тамара звонил, я в больнице лежал.

– А чего не сказал-то?

– А чего говорить. Других расстраивать. Только понял, что без ноги мне хана. Когда был здоров, ничего не понимал, а как случилось, все, я другой человек. И сегодня на обед не пришел, стыдно. Все будут жалеть.

– А мы все ждали, приедешь думали, – Тамара подлила Ваське чаю, – вот и о доме говорили, что с ним делать.

– О каком доме?

– Но об этом, о нашем доме, решали, как быть. Я от своей доли отказалась. А как твою телеграмму получили, решили поделить Петру с Николаем.

– Как, поделить? Отец же мне письмо написал.

– Какое письмо? – У Тамары даже вилка из руки чуть не выпала. У двух братьев тоже вопросительно вытянулись лица.

– Васька порылся в грудном кармане, вытащил потрепанный конверт, подал Тамаре. Она вынула листок бумаги из конверта, стала читать: «Васька, сын мой, здравствуй! Ты нас не балуешь письмами, раньше хоть мать тебе писала, ты отвечал. А я как-то и не писал тебе писем. Но в последнее время стал болеть, не знаю, чем закончится. Может, к маме твоей уже пора. Не знаю. Мы вырастили вас с моей Варей, как могли, старались. Уже и правнуков видели. Не нажили мы большого богатства, Вася. Но есть дом. Он хоть и старый, но еще крепкий. И вот я хочу, чтобы этот дом твоим стал. Мы с мамой твоей так и думали, чтобы тебе его отдать. Так всегда и делалось, младшему в семье дом родительский и достается. Тамарке я сказал, чтобы решала сама, думаю, она решит так же, как я. Она у нас умная. И братья твои вряд ли против будут. Они уже крепко на ногах стоят, уже и дети у них большие. Так что

приезжай, сынок, домой, что там делать в чужих краях. Дом тебя ждет. Тебе уже много, сорок два года, но время еще есть. Приезжай. Да и мы с мамой будем рядом, недалеко, если меня не застанешь уже дома. Не болей, сынок, до свидания».

Тамара положила на стол письмо, лицо ее было в слезах, она начала плакать уже в середине письма, кое-как закончила читать. Васька смотрел в одну точку, не шевелился. Сидели и молчали и два остальных брата. Потом Николай тихо встал, оделся и пошел домой. Через некоторое время ушел и Петр.

Но через несколько дней Николай с Петром так же сидели за этим столом и их сестра, Тамара, опять в слезах, читала. Не письмо, а просто записку: «Знаю, я не прав. Но вы же знаете, я всегда делал так, как вам не нравилось. Оказалось, мои ноги – это мои крылья. А сегодня я без них. И я не могу улететь туда, куда хочу. А жить в одном месте – это не мое. Отец хотел, чтобы род наш продолжился в этом доме. Он и продолжается: детьми и Петра, и Николая, продолжается и продолжится. Тамара, ты моя лучшая сестра. Петя, я до сих пор помню, как ты спас меня, когда меня уносила река. Николай, когда я несколько дней назад смотрел на твой дом из машины, вышла твоя старшая дочь с сыном, ему пять сейчас, должно быть, Ваней зовут. И вот я увидел его очень похожим на меня. Или нет? Будут еще внуки, назовите кого-нибудь Васькой, как меня. Я вас всех люблю, или вернее, любил. Ваш Васька».

Когда Таня, дочь Петра, тремя днями раньше позвонила отцу, что дяди Васи нет, а квартира не заперта, Петр первым делом поехал к Витьке. Но у него Васьки не было. Объехал других знакомых, где мог быть Васька. Не нашел. Начал обходить сараюшки около дома, мало ли что. И точно, в дальнем отсеке, где родители держали коров –

а теперь она пустовала сколько лет – он его и нашел. Повесился.

Похоронили Ваську чуть поодаль от могилки отца с матерью. Рядом места не было.

КАРБЮРАТОР

Два соседа, два шофера – Васька Долгий и Петька Безногий, жили через дорогу. Вообще-то по паспорту первый был Василием Долговым, а второй Петром Безруковым. Но кто в паспорт заглядывает. Как в детстве раздали кличек пацаны друг другу, так и прилипло на всю жизнь. Васька действительно был худощавым, высоким. Кличка соответствовала ему. А Петьке нет. И с ногами у него было все в порядке, и с руками. Но кличка есть кличка. Они выросли, а клички детские так и прилипли к ним, но не как банный лист, а навечно.

Как-то заехал Петькин знакомый – на шофера учились вместе, в деревню, спрашивает у первой встречной: «Женщина, скажите, а где живет Петр Безруков?» Та отвечает: «Нет у нас такого».

– Как нет? Я был у него несколько месяцев назад, правда, ночью с ним приезжали, на его машине. У него машина «ГАЗ-53», с желтой кабиной. Где-то здесь он живет, в начале деревни.

– А-а, Петька Безногий. Так бы и сказал. Вон, третий дом, с зеленой калиткой.

И ничего не понимающий приятель Петьки сворачивает к нужному дому.

Или зайдет Васька в контору нефтебазы – он ездил за бензином, на бензовозе работал – и на вопрос: «Как фамилия?» ответит: «Долгий», потом опомнится, матюгнется, и станет поправляться: «Ой, Долгов я, Долгов, Василий Долгов».

Так они и выросли вместе со своими кличками: «Долгий» и «Безногий». Выучились на шофера, работали в одном совхозе. Женились, пошли дети. У Петьки дочь и сын, у Васьки сын, тоже Васька.

Иногда, когда с работой было посвободнее, любили они сиживать в гараже у Васьки. Жена Васькина умела гнать хорошую самогонку, так они до утра могли сидеть, спорили о чем-то, кричали, и успокаивались только к утру. Разумеется, жены такие посиделки не одобряли, боролись, как могли. Но с переменным успехом. А может, и понимали, нужно это мужикам, иногда. Гаража нет, машина сломается, они – хоть зима - снег, хоть лето – грязь, – под нее, под машину. Или в рейс пойдут, что-то случится с машиной, они ночуют в кабине, под фуфайкой.

Но как-то они разругались. Привезли на склад запчастей карбюратор. Заказал его Петька Безногий. Свой у него давно барахлил, сколько раз жаловался механику. И наконец привезли. Но Петька был в рейсе. А карбюратор увидел Васька. И выпросил у Светланы, кладовщицы. И поставил на свою машину. На второй день, вечером, сидит дома, ужинает. Залетает Петька.

– Это ты какого рожна мой карбюратор на складе забрал?!

Ни тебе ни «здесьте», ни «приятного аппетита». У Васьки во рту как раз кусок мяса был, он его не мог разжевать – не хватало у него нескольких зубов. Так вот этот кусок, когда он хотел что-то ответить, так и застрял у него в горле – ни туда, ни сюда. Судорожно схватив ложку, он стал хлебать суп, мясо куда-то проскочило. Лицо его было красным, через некоторое время он пришел в себя.

– Чего... забрал?

– Карбюратор! Чего ты из себя дурака лепишь? Я заказывал карбюратор, а ты его забрал, когда привезли. Тебе же Светка говорила, что это мне, по моему заказу.

– Да, но она сказала, что на следующей неделе еще привезут.

– Вот тогда и забирай. А этот, который поставил, давай, снимай!

– Эй, ты, давай полегче. «Снимай... мой карбюратор!» Во-первых, он не твой, а государственный. И я его не с твоей машины снял, не с твоего сарая стыбрил, а в совхозе по накладной получил и расписался за него. Теперь он мой, я за него отвечаю.

– Снимай, говорю! Я тебе сейчас рога пообломаю!

Петька двинулся в сторону Васьки, тот тоже вскочил из-за стола, схватил нож. Но между ними неожиданно оказалась Лариса, жена Васьки.

– Вы что, совсем охренели?! Готовы из-за какой-то железки поубивать друг друга!

Она резко оттолкнула Петьку: «Ты, Петька, что здесь сцены устраиваешь, иди в контору, разбирайся»

– Вот именно, я зашел как к соседу. Но не знал, что у меня сосед такой. Все, моей ноги в твоём доме не будет, Васька.

– Скатертью дорога!

Васька все еще стоял с ножом в руке, руки у него тряслись.

Петька шагнул к дверям, открыл дверь, повернулся: «Ты, Лариска, не сильно-то его защищай, муженьку-то твоему, может, Светка не только карбюратор дает.

– Да я тебе...

Васька кинулся к дверям, но Лариса захлопнула дверь, оттолкнула мужа. Выхватила из Васькиных рук нож, швырнула на стол, и зло посмотрев на мужа, ничего не сказав, пошла к своим кастрюлям.

Прошло месяца два. Два соседа стали как чужие. Не здоровались, не заходили друг к другу. Про их конфликт и в совхозе узнали. И хотя второй карбюратор действи-

тельно привезли, правда, не через неделю, а чуть позже, и Петька его поставил на свою машину, их отношения не изменились. А через хозяев домов и жены стали реже общаться, и дети двух домов перестали вместе играть.

В тот день стояла ясная погода. Петька копался в огороде. Картошка была убрана, он собирал ботву. Вдруг на улице он услышал шум, крики людей. Прибежал Никитка, пятилетний сын.

– Папа, папа, там машина дяди Васина горит!

Петька быстро прошел к дому, обошел его и посмотрел в сторону Васькиного дома. Машина Васьки стояла, как всегда, около дома. Со стороны кабины полыхал огонь, над пламенем в небо улетал черный дым, вокруг машины бегали люди. Петька крикнул:

– Бензин!

И бросился бежать через дорогу, заметил в руках вилы – они были у него в руках, когда он работал, – отбросил в сторону. Прибежав, он увидел, что горела кабина машины, двери были открыты, из кабины наружу вырывалось пламя, пламя с черным дымом. Вокруг бегали люди, из ведер поливали водой, но машина стояла близко к дому, а пламя вот-вот и перекинется в дом. Петька поискал глазами Ваську, тот черпал из кадки воду ведрами и передавал другим.

– Ключи от машины где?

– В кабине, она не заводится.

Петька соображал, что делать. Еще немного, и загорится дом, а машину не отогнать, не заводится. Да и в кабину уже не сядешь. Крикнул Ваське: «Открывай калитку, цепляй трос за фаркоп, я сейчас машину пригоню!»

И сам побежал назад, домой. Забежал в дом, начал искать ключи от машины. В кармане куртки их не оказалось, на гвоздике, куда он иногда вешал, тоже не было. «Ай!» – он вспомнил, что сегодня машину заводил – ключи в ка-

бине. Выскочил из дома, открыл ворота, завел машину и быстро поехал через дорогу. Подъехав к дому Васьки он увидел, что ворота не открыты, а Васьки нет. Подбежала Лариса: «Васька ключи не может найти от ворот!»

– Какие ключи, к чертовой матери! Огонь перекинется на бочку, взлетите вместе с домом! Уходите все от машины!

Он забежал за ограду, схватил конец троса, который был уже прикреплен к фаркопу бензовоза, перекинул через ограду, выбежал, трос закрепил на крюке своей машине. Еще раз крикнув, чтобы все отошли в сторону, он сел в машину. Медленно стал отъезжать, трос натянулся. Петька поддал газу, машина взревела, потянула и горящую машину. Затрещали ломающиеся доски ворот, бензовоз медленно стал двигаться. Вот он проехал по сломанным воротам, горящая кабина отъехала от дома, но карниз дома уже прихватило огнем. Люди стали тут же поливать дом водой и быстро потушили. А Петька проехал еще немного, остановил машину, чуть проехал вперед, выскочил, освободил трос– и с чем черт не шутит, бензовоз все-таки – угнал свою машину подальше. Подбежал к бензовозу. Выхватил у Никитки, сына, вилы, которые он бросил, когда побежал, увидев пожар, и стал вытаскивать сиденья. Он их поддел вилами, выбросил подальше от машины. А спинки сидений не поддавались, они были закреплены. Кусками отдирав вилами горящий поролон, отбрасывал в сторону. Но от жары невозможно было долго стоять около машины. Петьку сменил Васька. А люди, потушившие огонь на доме, уже поливали водой машину со всех сторон. Машину, сиденья, куски поролона. А люди бежали и бежали, со всех домов, с ведрами с водой...

Наконец все закончилось. Пожар был потушен. Люди расходились, негромко переговаривая друг с другом, найдя свои ведра.

Петька, черный и чумазый, сидел прямо на земле. Одежда была вся испачкана. Васька сел рядом. Они закурили. У Васьки дрожали руки, он не мог успокоиться. Что-то все нервно рассказывал:

– Надо же, все обыскал, не могу ключи от ворот найти. А сейчас сунул руку в карман, за спичками, они у меня в кармане! Да ворота ерунда, сделаю другие.

Рядом стояли жены. И дети. Васькин сын, и Петькины, сын и дочь.

Петька докурил, потушил сигарету. Поднялся.

Лариса благодарно посмотрела на Петьку: «Спасибо, Петр». Тот махнул рукой, зашагал в сторону своей машины.

Приподнялся и Васька. И крикнул вслед Петьке:

– Петька!... Ты это... Зайди домой.

И обратился к супруге: «Лариска, есть же?»

Лариса кивнула головой. Петька остановился, постоял, посмотрел на свою рубашку, руки, на Ваську. Улыбнулся.

– Чумазые, как черти. Пойду умоюсь. Машину поставлю... Зайду.

ВЗЯТКА

Дима стал одеваться. Одевался не торопясь, внимательно осматривал свое пальто, из карманов доставал шерстяные вязаные варежки, встряхивал пушистую заячью шапку.

На столе лежал конверт, рядом с нарядами. На стуле, около стола стояла открытая Димкина спортивная сумка, в которой были видны его нехитрые вещи и небольшой сверток с пирожками от Зинаиды Павловны.

Последние два дня он находился в командировке в деревне Тальник, ночевал в доме председателя сельсовета в отдельной комнате. Дима работал в строительной организации в райцентре, а сейчас находился в этой деревне, чтобы проверить наряды на строящихся двух домах. Его строительная организация строила клуб в этой далекой небольшой деревушке. Дима был сметчиком, работал он сравнительно недавно на этой должности, полтора года. И вообще эта была первая организация в его жизни, в которой он работал после окончания техникума. В их рабочем кабинете, кроме него, было еще три специалиста: Светлана Никифоровна – начальник отдела, которая пропала в кабинете начальника, а потом начинала раздавать всем задания; Петр Ильич – высокий худой предпенсионного возраста мужчина, который постоянно ходил в коридор на перекуры и Катенька (почему-то все звали ее так), которая садилась в углу, за свой рабочий стол и сидела до конца рабочего времени, ничем не выдавая себя. Дима с ней не очень-то ладил: с самого начала не задалось, пару

раз фыркнула она на Диму, с тех пор и не находили они общего языка, хотя и сверстники почти.

– Катенька, – заходя в кабинет, даже не прикрыв до конца дверь за собой, начинает говорить Светлана Никифоровна, придя из кабинета начальника, – срочно подготовь данные по выполнению строймонтажа по клубу в Тальнике, Илья Ефимович идет на совещание в одиннадцать в исполком.

Это значит, что Катеньке, Екатерине Мироновне, нужно в течение примерно одного часа подсчитать, на какую сумму выполнено работ на клубе, который строится в деревне Тальник и в напечатанном виде отдать Светлане Никифоровне, чтобы она отнесла Илье Ефимовичу, начальнику организации, чтобы он с этими данными пошел на совещание в двухэтажное здание, называемое исполкомом Сосновского района, где сидят большие начальники и любят устраивать авральные совещания.

Дойдя до своего стола, Светлана Никифоровна плюхнулась на свой стул. Это была крупная полная женщина, с кудрями на голове, которые ей никак не шли, но лицо ее было привлекательным. Несмотря на свой грузный вид, движения ее были быстрыми. Она стремительно ходила, говорила уверенно, энергично, также быстро. Резко садилась на стул, тот только успевал жалобно скрипнуть.

Катенька, выслушав начальника отдела, сверкая огромными очками, копалась уже в своих папках. Петр Ильич и Дима вытянули шеи и приготовились выслушать и свои задания. Но Светлана Никифоровна ничего не сказала, пролистала записную книжку и, поглядывая в нее, начала крутить телефонный диск, приложив телефонную трубку к уху. Одновременно говорила:

– Петр Ильич, там все нормально с клубом, в райцентре, вы говорили какие-то нестыковки с проектом? Посмотрите, если что... Наталья Петровна?.. Это «Заря»

звонит, Дедова я, Светлана Никифоровна, здравствуйте... по поводу денег... я... да... дошли уже? Хорошо. Я поняла. Пожалуйста. До свидания... Как говорите, Петр Ильич, все нормально там?.. Но хорошо.

– Я в банк, – Светлана Никифоровна через некоторое время быстро встала, так же быстро оделась и вышла.

– Долго ей придется стоять на морозе, – Петр Ильич смотрел на часы на стене, – до открытия банка еще сорок минут.

Дима с Катенькой улыбнулись, но промолчали. Петр Ильич пошел курить; Дима тоже, как и Катенька, листал толстые сметы. Вчера из другого отдела принесли проектную документацию школы в райцентре и нужно было проверить соответствие смет с чертежами.

Вскоре появилась Светлана Никифоровна, забрала данные, проводила с ними Илью Ефимовича на совещание.

Илья Ефимович появился с совещания почему-то быстро, еще до обеда. Обычно после таких совещаний он, не раздеваясь, заходил в какой-нибудь отдел, сметный или производственный, разбирался, почему на совещании предъявлялись претензии к «Заре». Он любил выслушать непосредственно специалистов, а не начальников отделов. Но на этот раз после совещания, зайдя в сметный отдел, он не поднял вопросы, рассмотренные на совещании, а сразу обратился к начальнику отдела.

– Светлана Никифоровна, кто у вас в отделе клуб в Тальнике ведет?

– В Тальнике? Катенька, это ее объект.

– Так. Светлана Никифоровна, такое дело. Встретился на совещании председатель сельсовета из Тальника, Николай Николаевич, Звонов. Там строители наряды принесли на дома, а прораб его в городе, в больнице. Просил помочь. Сможем?

Светлана Никифоровна спросила: «А что делать-то надо?»

– Что делать? Поехать в Тальник, посмотреть объекты, там два дома, они уже к завершению, объемы проверить, расценки. Все, как обычно.

– Так, значит, Катеньке надо ехать.

Катенька приподнялась, испуганно смотрела по сторонам, сверкая очками.

– Погодите, Светлана Никифоровна, – начальник внимательно посмотрел на Катеньку. – Там дома еще не топятся, холодно. А в них работать надо, обмеры делать. А Екатерина Мироновна вон какая худая. Может, кого другого послать?

– Сможешь? – Светлана Никифоровна посмотрела на Диму. – Как дома-то? Жена у него с маленьким ребенком. Сколько месяцев-то ребенку, Дима... Дмитрий Михайлович?

– Пять уже. А чего поди. Съезжу. А на сколько дней?

– А как справишься, – Илья Ефимович смахнул с головы шапку. – Хорошо, тогда,

Светлана Никифоровна, сейчас же распорядитесь по командировке. Приказ, деньги, все такое. После обеда мне позвонит Звонов, я ответ должен буду дать. У него дела еще здесь, к вечеру поедет. Договоримся так. Дмитрий Михайлович, ты оформляй командировочные, деньги получи и иди домой. Дорога дальняя, триста километров, зима, теплее одевайся.

Дров накопи, воды натаскай, дня три, думаю, тебя не будет. Потом жди дома. Как Николай Николаевич освободится, скажу, чтобы сюда подъехал. Светлана Никифоровна покажет, где ты живешь, супругу успокоит, да?

– Да, конечно, Илья Ефимович, – кивнула головой начальница Димы.

Дима принес домой воды, как советовал Илья Ефимович, а дрова были наколоты и уложены в поленницу, в сенах. Светлана, супруга Димы, занесет, когда надо.

– На сколько дней едешь-то? – спрашивает Светлана, собирая его в дорогу.

– Думаю – дня на три, командировку на три дня дали, должен успеть. Ты-то как, справишься с ребенком?

– Конечно, управлюсь, какие дела. Воды ты принес, нам хватит. Будем сидеть дома, ждать тебя. А что ребенок. Покушает, поиграет – да спать. Спать ему нравится на морозе в сенках, в доме он не так хорошо спит.

– Ничего, дособираем скоро на коляску. С последней получки и купим, думаю. Теперь у меня получка сто тридцать рублей будет, прибавили на пять рублей. Коляска будет, тогда и на улице будете гулять по дороге.

– Хорошо бы.

Жили они в небольшой избушке на краю деревни. Избушка была старая, но маленькая и теплая. Даже зимой можно было только раз за день печку топить. Но когда родился сын, топили уже по два раза. Сын подрастал, днем Светлана его укутывала, и выносила в сени на диван, он там спал часа два-три. Когда с мороза его Светлана заносила, щеки сына были раскрасневшимися, но тело было теплым.

Через некоторое время в дверь постучали.

– Здравствуйте! – на пороге стоял невысокий мужчина в пальто-москвичке и норковой шапке, на ногах унты. – Давайте знакомиться, меня зовут Николай Николаевич.

За ним зашла Светлана Никифорова.

– Дима, – тоже протянул руку хозяин дома.

– Знаю, хозяйка – тезка Светланы Никифоровны. Забираю Дмитрия твоего к себе, в деревню, Светлана, но ненадолго, на пару дней. Обещаю вернуть в целости и сохранности.

Светлана улыбнулась: «Да я знаю уже. Вот, в дорогу собираю, готово уже».

– Тогда едем. Дорога дальняя, уже темнеет. Только Светлану Никифоровну довезем.

– Нет, Николай Николаевич, вы езжайте, мне недалеко, пройдуся, зачем разворачиваться, – запротестовала та.

– Хорошо.

Все вышли на улицу, попрощались, Николай Николаевич и Дима сели в машину, она фыркнула и поехала. Женщины стояли, смотрели, пока не исчезли огоньки машины за поворотом.

– Заходите, Светлана Никифоровна, чай попейте.

– Спасибо, Светочка. Хотелось бы, но надо домой надо. Печку топить. Дом остыл за день. Как растете-то? Не болеете?

Теперь это было лицо усталой женщины, от дневного бравого вида не осталось и следа.

– Да нет. Грыжей немного помучались. Прошло.

– Димка у тебя работающий. И вас сильно любит. И тебя и сына. На работе все о вас говорит, торопится домой. Справится он, приедет.

– Конечно, мы и не беспокоимся. До свидания. Спасибо, что забежали.

– Пока. Пойду, холодает.

Светлана смотрела вслед уходящей женщины, которая быстро исчезла в зимней ночной темноте. Светлана знала, что у нее где-то живет сын, вроде бы семейный, мужа она потеряла лет десять назад. Погиб, попал в аварию.

Дима сидел на заднем сиденье «УАЗика», рядом сидела еще какая-то женщина. Николай Николаевич говорил с ней, по разговору Дима понял, что она бухгалтер сельсовета.

Дорога петляла между гор, по сторонам было темно, встречных машин почти не было. Тепло одетого Диму

укачало, за стеклами особо смотреть было не на что и он задремал.

Машина доехала до Тальника только к полуночи, по дороге Дима несколько раз просыпался, иногда коротко отвечал на вопросы Николая Николаевича. Один раз они пили чай. Водитель разливал его из большого термоса, а Николай Николаевич раздавал пирожки.

– Гостиниц, Дмитрий у нас нет, поэтому остановишься у меня, – сказал председатель, когда машина тормознула у дома бухгалтера. – Комната свободна, дети разлетелись кто куда.

Несмотря на поздний час, свет в окнах председательского дома горел, а хозяйина и гостя встречала радушная хозяйка.

– Заходи. А-а, ты не один? Проходите, не замерзли? Похолодало сегодня.

– Встречай, Павловна гостя. Дмитрий, по стройке приехал. У Ефимыча выпросил.

– Здравствуйте. Зинаида Павловна меня зовут. А вас как?

– Здравствуйте. Дима, Дмитрий.

– Хорошо, раздевайтесь. Чай будете пить.

Они познакомились, долго еще сидели за столом, пили чай. Зинаида Павловна оказалась разговорчивой женщиной, все расспрашивала и расспрашивала Диму о его жизни, о семье, рассказывала о своих двух сыновьях, об их внуках, где они живут, чем занимаются, пока не прервал ее Николай Николаевич.

– Павловна, укладывай человека спать, он устал с дороги. Завтра у него много работы.

Действительно, уставший с дальней дороги, разморенный горячим чаем с малиновым вареньем, очутившись в мягкой чистой постели на широкой кровати, Дима моментально уснул.

Утром, снова хорошо накормив двух мужчин, Зинаида Павловна проводила их на работу.

До сельсовета они шли пешком, это было недалеко, минут пять-семь ходьбы. Снег мягко скрипел под унтами Николая Николаевича и валенками Димы. Редкие прохожие охотно здоровались. Несмотря на ранний час, в конторе уже было несколько человек. При входе, справа, была кочегарка, около печки возился мужчина.

– Петр, привет.

– Здравствуй, Николаич, здравствуй.

– Как, все нормально?

– Да нормально. Вы как съездили?

– Хорошо, спасибо. Вот что. Сходи за Гуравой, человек с района приехал – вот он, по стройке.

– Понял, иду.

– Да, возьми ключи от кабинета Николаева, открой, пусть Дмитрий там подождет. Гурава придет, зайдете втроем.

Председатель прошел к своему кабинету, а в приемной уже сидели две женщины и мужчина.

Гурава появился через полчаса. Это был невысокого роста мужчина, почему-то в кепке зимой. Зашел, приветливо улыбнулся, поздоровался. Они прошли к председателю. В кабинете ругались две женщины. Николай Николаевич их прервал.

– Подруги, вы пока передохните, сил наберитесь, человек с района приехал, его работа ждет.

И обратился к вошедшим:

– Гурава, я привез человека с района, сметчик. Познакомились? Неизвестно, сколько еще Николаев в больнице пролежит. Покажешь свои наряды, Дмитрий Михайлович проверит. Сходите на дома, нужно все обмерить. Возьмите инструменты, рулетку, все, что нужно, понятно?

– Я человека дам, Николай Николаевич, а мне в город надо, по материалам договорился. Но я человека дам – Серго, он поможет.

– Серго так Серго. Мне какая разница. Дмитрий Михайлович, работать будешь в кабинете Николаева. Ключи где оставлять, Петр, покажи. Обедать ходи домой, не стесняйся. Все, понятно? Гурава, все ясно?

– Ясно, дорогой, все понятно.

– Все, идите, – закончил с ними разговор председатель и повернулся к женщинам. – Отдохнули? Теперь вернемся к нашим баранам, вернее, вашим.

Серго, в отличие от Гуравы, был высоким, плотно сложенным юношей, с черными вьющимися волосами, который вообще не носил шапку!

«Наверно оттуда, где не бывает зимы, и он не знает, что такое мороз», – про себя с улыбкой подумал Дима.

До обеда они находились на этих двух строящихся домах. У Гуравы был договор с сельсоветом, свои работы он сделал и принес наряды на выполненные работы. Дима карандашом отмечал позиции на листочке, что-то записывал. Рулеткой замеряли. Серго помогал. В домах было холодно, как и на улице, потому что отопления не было (сантехники должны приехать только через неделю), пальцы мерзли, но работа по обмеру за полдня была закончена. Дима замерз, сбегал к Зинаиде Павловне, отогрелся, пообедал, и кое-как оторвавшись от разговоров хозяйки дома, побежал снова в контору. До вечера он считал, писал, разбирался в чертежах. Несколько раз заходил Серго. Спрашивал, как идут дела. Дима понял, что может успеть основное сделать сегодня, завершить завтра и к обеду может успеть на автобус, который отъезжает в райцентр. Когда Серго часов в восемь вечера зашел к нему в очередной раз, основная работа была сделана.

– Но вот что, Серго. На двух объектах мне придется убрать несколько позиций. Эти работы не сделаны. А на некоторых позициях объемы уменьшить. И таким образом на двух домах сумма уменьшится где-то на две с половиной тысячи. Завтра я начисто все перепишу, оставлю здесь. Вы потом Гураве передайте, пусть переделает, как надо, кто наряды делал.

Серго ничего не сказал, только спросил: «Долго еще сегодня будете работать?»

– Поработаю еще, если председатель придет, сказал, заедет сюда, он на стоянку поехал после обеда. А так, если не подъедет, через час-полтора пойду спать, завтра закончу.

Серго ушел, но через полчаса появился вновь.

– Я Гураве звонил, он просил передать, говорит, может, поможете, и мы в долгу не останемся. Люди должны помогать друг другу.

Потом вынул из-за пазухи конверт, положил на стол, сказал: «До свидания» и вышел.

Дима взял в руки конверт, он не был запечатан. В нем были деньги, красные десятирублевые купюры. Он их пересчитал. Было сто пятьдесят рублей. Дима несколько минут сидел, уставившись на этот конверт. Потом положил на стол. Быстро оделся, закрыл кабинет и вышел. Он весь горел. Только приблизившись к дому Николая Николаевича, вспомнил, что не оставил ключи от кабинета в конторе. Но обратно не пошел, только походил еще немного на улице, чтобы остыть.

Зинаида Павловна кормила его вкусными щами с мясом, котлетами с лапшой, киселем. Дима рассеянно отвечал на вопросы хозяйки, не поддерживал разговор. Время было уже одиннадцать, сославшись на то, что болит голова, якобы от работы, попросился спать. Зинаида Павлов-

на с сожалением отпустила Диму спать, а сама осталась ждать супруга.

Дима лег спать, но спать не мог и не хотел. Просто лежал. Слышал, как приехал Николай Николаевич. И хотя муж с женой разговаривали негромко, Дима слышал, как Зинаида Павловна расспрашивала, на чьей стоянке он был, рассказала, что Дима всю работу почти сделал, завтра докончит и автобусом в час сорок уедет. Быстро справился, молодец, отвечал супруг.

Автобус в семь часов десять минут выезжал из райцентра в Тальник, к обеду доезжал до деревни, шофер обедал и отдыхал, а примерно в час тридцать подъезжал к остановке, которая была рядом с магазином. Сегодня, когда автобус подошел, его ждали человек пятнадцать, и среди них стоял Дима, в теплом самосшитом полушубке, в кроличьей шапке, валенках и со спортивной сумкой. Он был в командировке, закончил работу на сутки раньше и теперь, через десять минут он поедет домой, к супруге. И к сыну.

К МАМЕ

На улице уже светало. Дмитрий проснулся и прикинул, сколько же сейчас времени. Был конец февраля, дни уже стали заметно длиннее, и если в декабре даже в девятом часу было еще темно, то теперь наверное, еще семь, но за окном светло. Он поднял телефон, они показывали семь часов двадцать две минуты. Сегодня воскресенье и будильник телефона на шесть утра, как в рабочие дни, он не ставил. Сегодня единственный день недели, когда все могут хорошо выспаться. Да и припозднились они вчера вечером – спать легли позже обычного.

В доме было просторно, комнат было три. В одной, как зайти с улицы – была кухня. Вторая небольшая – комната родителей, а третья, самая большая была предоставлена детям. Дмитрий прошел в их комнату. «Ребятишки», как их называл отец, еще спали. Их в семье было четверо. Одна половина их комнаты была спальная. Около окна рядом были поставлены две кровати, для девочек. В одной спала старшая – Светлана. Ей было четырнадцать лет, она училась в седьмом классе. «Уже совсем взрослая, помощница моя. Вон какая вытянулась, во всю койку», – подумал отец, поглаживая ее голову. Отвернувшись к стене, она спала крепко. А рядом – в другой кровати, спала младшая, пятилетняя дочь – Катька. Она лежала, свернувшись калачиком, одеяло сползло на пол, оголив ее маленькие ножки. Дмитрий потрогал ее ноги, они были прохладные. «Ничего, сейчас печку затоплю, тепло в доме будет», – подумал Дмитрий, приподнимая одеяло с пола и хорошо укрывая дочь. Он пошел к следующим двум кроватям.

Кровати девочек были отгорожены от кроватей мальчиков двумя большими шкапами. Они были поставлены дверями в разные стороны, одним шкафом пользовались мальчишки, а другим – девчонки. Удобно. Отец чуть не споткнулся о чей-то портфель, который лежал между кроватями мальчишек, убрал на место. Пришлось собирать и тапочки, которые лежали где попало, поднимать одежду Кольки. Колька был самым маленьким в этой семье, ему было четыре года, и правами своими в связи с этим, он пользовался сполна. Ему многое разрешалось или сходило с рук. Поэтому он мог позволить себе и одежду где попало бросить и горшок за собой не вынести. Теперь он крепко спал под толстым одеялом, его даже не было видно. Дмитрий присел на краешек другой кровати. Это была кровать старшего сына – Константина. Ему шестнадцать лет, учится в девятом классе. Дмитрий погладил ноги сына, посидел, вздохнул и пошел на кухню.

Надо было топить печку. Из дров, лежащих около печки, приготовленных еще вчера вечером, Дмитрий нашел подходяще полено, стал строгать лучинки. Потом на скомканную газетную бумагу положил лучинок, аккуратно сложил дрова в печь, поджег бумагу и открыл трубу. Загорели лучинки, затем дрова; когда печь загудела, Дмитрий чуть прикрыл поддувало. Ковшиком налил воды в чайник, поставил на плиту и вышел на улицу.

На улице было уже совсем светло. За ночь выпал небольшой снег и было не очень холодно. Дмитрий взял лопату, прочистил дорожки, вернулся домой, взял подойник и пошел к коровам. Вернее, корова была одна, с маленьким теленком. И был еще прошлогодний бычок. Дмитрий открыл двери стайки, выпустил животных в загон. Теленок находился отдельно. Выпустил и его. Он подбежал к матери, нашел соски и стал жадно сосать молоко. Через короткое время Дмитрий оторвал теленка от этого аппе-

титного занятия, привязал. Тот упирался, мотал головой с пеной молока на морде. Вытерев соски коровы, Дмитрий начал ее доить. А она облизывала своего теленка, облизывала всего: голову, шею, спину, живот, под хвостом. Закончив доить, Дмитрий поставил ведро с молоком подальше и отпустил теленка, тот подбежал к матери и снова принялся за свое любимое занятие. Задав корове и бычку сена, каждому в свою отгороженную половину, Дмитрий пошел домой.

Убрав с плиты чайник с кипящей водой на край печки, подбросил еще дров, процедил молоко через марлю. Корова отелилась месяц назад, молоко давала хорошо. Вспомнил, как всем семейством несколько дней сторожили, ждали, когда корова отелится. А когда ночью в доме появился только что родившийся теленок, ребятишки все повыпрыгивали из кроватей, хотя и спали, и долго шумели и бегали вокруг него. Теленок пытался встать на ноги, но ноги его скользили и вытягивались, он падал, вызывая смех. Потом около недели теленок, а он оказался бычком, жил в доме. Его привязали в углу, бросили немного сена, он спал на нем. А Кольке задание дали: как только теленок начнет писать, он должен подставлять под струйку свой горшок. Колька с заданием справлялся наполовину – то опоздает, заиграется, то забудет. И получив нагоняй от Светланы или Константина, бежал за тряпкой.

Ребятишки еще спали, Дмитрий начал варить манную кашу. Ее любили все, кроме Кольки. Поковыряет ложкой в тарелке, отодвинет. Но молоко любил. С хлебом.

Сварив кашу, Дмитрий оделся, взял ведра и вышел. Нужно сходить за водой, а заодно и коров на речку угнать. Животные сено уже поели, теленок резвился, бегал вокруг матери. Загнав теленка в стайку, Дмитрий погнал коров на речку. Тучи на небе расходились, день ожидался стать ясным. Речка была недалеко, через несколько до-

мов. Около речки были уже несколько коров, на берегу стоял сосед Григорий. Поздоровались.

– Зима, видно, отступает. Не так холодно по утрам.

– Да скорее бы. Ребятишкам по утрам несладко приходится. Мерзнут, пока автобус ждут, да и из школы иногда пешком идут.

– Да, у тебя их много. Забот, хлопот...

– Да ничего, нормально.

Дмитрий набрал воды в ведра, пошел обратно. Коровы придут сами.

Вспоминал. Сперва у них родились двое детей, друг за дружкой: Костя, за ним, через полтора года – Светлана. Потом, через девять лет – тоже двое, тоже разницей в чуть больше года, только первой теперь была девочка – Катя, а потом – Колька. Вырастут, все хорошо будет. С этими мыслями и возвращался Дмитрий с речки.

В доме, когда вошел отец, стоял шум-гам. Из комнаты детей слышался топот босых ног по полу, крики. Там шла борьба за территорию. У них – у девчонок с пацанами, был уговор: на чужую территорию, то есть на ту половину, где стоят чужие койки – не заходить. Но что уговор, даже законы нарушаются. Злостным нарушителем был Колька. То у девчонок какие-нибудь красивые штучки возьмет, то вытащит из сумок книги, утащит к себе, не вернет. А сегодня он проснулся раньше всех детей, и пошел к Катьке, будить. А это чужая территория. Катька прогнала его, поколачивая мягкой собачонкой. Колька отступил на свои позиции, но вернулся вооруженным – с подушкой. Вот они и колотили друг друга, она – собачкой, он – подушкой; бой проходил то в женской половине, то с шумом перетекал в мужскую. А старшие – Светлана с Константином, спали, ничего не замечая. Привычная ситуация.

– Ребятишки, подъем! А вы чего бегаετε босиком по холодному полу?

Катька с Колькой разгоряченные, вспотевшие, одновременно жалуются.

– А Колька мне спать не давал, одеяло у меня стаскивал!

– А она меня собачкой бьет!

– А ты почему границу нарушил?

– Я хотел... я хотел... тебя разбудить!

Отец обнимает обоих, прижимает к себе.

– Ну ладно вам, миритесь. Сегодня воскресенье. К маме поедем!

Колька с Катькой стали прыгать на месте.

– Ура, сегодня к маме поедем! Ура-а!

– Катька, я маме расскажу, как ты меня бьешь!

– А я расскажу, что ты мои игрушки воруешь!

– Я же сказал вам мириться. Будите сестру с братом, скоро есть будем.

Дмитрий с улыбкой вспомнил: так ли давно, и Светлана с Константином, когда были маленькими, росли так же – в ссорах и драках. А теперь им рассказываешь, они смеются.

Через некоторое время все сидели за столом, ели кашу. Колька играл ложкой, кашу не ел. Отец посмотрел на него: «Коля, ешь кашу. А то до мамы ехать далеко, да еще пешком надо идти, проголодаешься».

Коля нехотя стал есть, запивая кашу молоком.

– Так, малышня, – сказала Светлана, обращаясь к Кольке с Катькой, – как от мамы приедем, уборку генеральную делаем. Помогаете. Пыль протирать будете. И порядок на своих полках сделайте, опять свои вещи как попало разбросали.

Костя положил себе добавки, подлил Кольке молока, обратился к отцу:

– Папка, когда у тебя получка-то?

– Второго, Костя, а чего хотел?

– Да у Кольки, вон, совсем валенки маленькими стали.

Другие надо, побольше.

– Понятно, купим. Ты, Костя, не передумал, после девятого-то?

– Нет, папа, не передумал. Пойду учиться. Училище хорошее, и слесарем смогу работать, и водителем, когда закончу.

– А то доучился бы в школе, закончил.

– А я и закончу – в училище. У меня за эти два года и школа будет закончена, и профессия будет. Если в армию не заберут, Катьку с Колькой буду до школы довозить, чтобы не мерзли.

– Костя, а у тебя какая машина будет?– спросил Колька, доедая кашу.

– Какая-нибудь будет Колька, будет.

– А ты нас покатаешь?

– Конечно, покатаю.

– И Катьку тоже?

– И Катьку, и отца, всех, всех. Вот, была бы машина у нас, поехали бы к маме на машине, а так, автобус будем ждать. Будет он – нет сегодня?

– Должен быть. Его обязали по графику ездить.

Позавтракали, Светлана помыла посуду. Стали собираться в дорогу, через час должен быть автобус. Дмитрий положил в рюкзак хлеб, сало, небольшую баночку огурцов, немного конфет, несколько стаканов. Чуть не забыл блины, Света вечером испекла, сказала – возьмем, когда к маме поедем. Колька с Катькой рылись в своих полках, выбирали, что одеть.

Автобус пришел вовремя, в воскресенье он приходил только два раза – в одиннадцать часов и в четыре вечера. Маршрут его пролегал между четырьмя селами. До села,

куда надо было Дмитрию с детьми, было двадцать восемь километров. Сегодня людей в автобусе было мало, сидячие места достались всем. Катька с Колькой сели рядом и снова о чем-то начали спорить. Светлана их быстро приструнила.

Автобус был старенький, на подъемах водитель со скрежетом переключал скорость, двигатель громко гудел, а когда преодолевался подъем, казалось, что машина облегченно вздохнув, катилась дальше веселее. На остановке в нужной деревне они выходили так: первым вышел Колька, за ним, – придерживая его – отец, потом – Катька, которую держал за руку Константин и Светлана с рюкзаком на спине. Они подождали, пока уедет автобус, перешли на другую сторону дороги. В конце деревни они свернули направо, в гору. Дорога хоть и была прочищена, но свежевывающий снег делал ее скользкой. Ярко светило солнце, его лучи, отражаясь от свежего снега, ослепляли глаза. Уже на середине горы всем стало жарко. День был уже чуть ли не весенним, теплым, а одежда на всех была еще зимняя. Остановились передохнуть. Все повернулись и смотрели вниз. Был виден лес, за ним горы, чуть ближе – краешек деревни, всего три дома, маленьких и черных. Около одного дома стояли два человека.

– Шапку не снимай, Колька, – остановил отец младшего сына, когда тот собирался снять вязаную шапочку, – немного осталось, скоро дойдем.

Гора была почти преодолена. Оставалось чуть – чуть. Они были почти на вершине.

Сначала показались столбы ворот. Потом сами ворота. Металлические, они были закрыты. В воротах была калитка, она была приоткрыта. От ворот – влево и вправо – тянулась штакетная ограда, почерневшая от дождя и времени. За оградой возвышались кресты: где пониже, где повыше, деревянные, металлические. И много цветов:

венками, букетами, по одному, по несколько, на крестах, у крестов – море цветов, красивых и ярких среди белого снега. Металлические детали этого необычного городка блестели, переливались на солнце. Все невольно останавливались, любуясь этой неожиданной и неестественной красотой.

Дмитрий снял с себя шапку, вытер мокрый лоб:

– Ну, вот и пришли, ребяташки...

ЗАБУДЬ СВОЕ ИМЯ

Промкоговорители железнодорожного вокзала г. Барабинска прохрипели, что скорый поезд «Москва-Владивосток» прибывает на первый путь. Будущие пассажиры этого поезда, находящиеся в зале ожидания вокзала, дружно потянулись к выходу. Зимнее утро встречало их на перроне девятнадцатиградусным морозом, в чем можно было убедиться на наружном табло. Оно также напомнило, поочередно, что сегодня 12 декабря, а время сейчас семь часов двадцать восемь минут.

Поезд, освещая прожекторами свой путь, снизив скорость, растягивал свои вагоны по перрону, всё более замедляя ход. Люди на перроне расходились, кто вправо, кто влево, находя таблички с номерами вагонов на их бочках. Поезд остановился. Загремели, застучали открывающиеся двери вагонов. Первыми стали выходить пассажиры с сумками, которые ехали до этой станции – их было мало, за ними появились пассажиры, которые выходили из вагонов на несколько минут: покурить – кто курит, или пройтись, размяться. Они тут же попадали в компании бойких женщин, которые промышляли торговлей.

- Рыба! Свежая!
- Копченая рыба! Покупайте рыбу!
- Шаль! Парень, купи матери подарок! Отличный подарок к Новому Году!

Но парень в шортах, в наспех наброшенной на плечи куртке, ничего не говоря, не обращая на женщину внимания, отходил в сторону, закуривал. Женщина шла дальше, к другому вагону.

– Шаль! Жареная рыба! Покупайте рыбу!

Сергей нашел свой вагон, протянул стоящей около входа женщине билет, паспорт. Проводник в форме работника железных дорог России имела серьезный вид, добросовестно сверяла данные паспорта и билета с данными на своем телефоне. Просмотрела, убедилась, что все нормально. Вернула все обратно, сказала:

– Пятнадцатое место, проходите. Белье позже принесу.

Сергей поднялся в тамбур, прошел дальше. Плацкартный вагон встретил его затхлым воздухом, парами, запахом, которые бывают в поезде, когда люди едут сутками, и вагон недостаточно проветривается – окна не открываются, а вентиляция, видимо, работает не на полную мощность, чтобы вагон не остывал. В вагоне был полумрак, Сергей долго искал свое место, нашел. Это было нижнее место. В двух верхних местах спали пассажиры, напротив – в нижнем, сидел мужчина. Забросив сумку под сиденье, сняв куртку и шапочку, Сергей присел.

– Здравствуйте!

Это был мужчина напротив. Сергей ответил на приветствие, отметив для себя, что он не поздоровался, когда подошел. Стал размышлять, а должен ли он был здороваться, ведь люди в вагоне спят, основной свет еще не включили. Ответа не нашел, стал думать о своей поездке. Сергей работал в Новосибирске, сейчас был в командировке, приехал в машине фирмы, где работал. Он приезжал в Куйбышев, который находится в нескольких километрах от Барабинска. Фирма имела два магазина в Куйбышеве. Машина привезла партию холодильников, стиральных машин. Задача Сергея состояла в том, чтобы проверить эту технику. И эти два дня он этим и занимался. Освобождал холодильники и стиральные машины от упаковок, включал в сеть, проверял, как работают. Они все были исправны. Потом проверил одну неисправную

стиральную машинку с предыдущей партии. Причину Сергей не нашел, а вскрывать пломбу, чтобы проверить досконально, нельзя, нужно будет отправлять машинку в фирму, в Новосибирск. А дальше – письмо на завод, придет представитель, проверит на месте, в общем, дальше не его, Сергея, дело. Машина, которая привезла груз, в тот же день уехала, а Сергей сегодня – на поезд. Из гостиницы дошел до остановки, доехал до Барабинска. И вот он в вагоне. За окном еще темно, но вокзальные фонари все равно неплохо освещали железнодорожные пути. Несколько путей было свободно, дальше стоял состав с углем. Вагонов с углем было так много, что не было видно ни начала, ни конца.

– Холодно на улице?

Это напомнил о себе тот же мужчина.

– Девятнадцать градусов. Мороза.

Сергей только сейчас заметил, что это был очень пожилой человек. Старик. Из волос у него осталось только несколько седых жиденьких пучков в районе ушей; лоб, лицо было в глубоких морщинах, на подбородке росла небольшая бороденка, тоже седая. Глаза были живые, но уже начавшие покрываться белой пеленой, которой покрываются глаза старых людей. Сергей прикинул, что на вид ему было лет семьдесят пять. Решил, что спросит, если будет момент – проверит себя, угадал ли.

Лязгнули, трогаясь с места вагоны, поезд стал набирать ход. Постепенно вокзал с прожекторами остался позади. Скоро и город с его домами и светящимися окнами в них, пропал. Немного передохнув на станции Барабинска, поезд набрал хорошую скорость и продолжал свой путь, пожирая метр за метром, километр за километром. За окном было темно, поезд шел резво. На то он и скорый.

Проводник принесла белье, снова попросила билеты. Сергей постелил свежее белье, решил до Новосибирска покемарить. Прилег на подушку.

– В гости или домой? Далеко едете-то?

Это был снова он, этот дед. Видимо, ему скучно сидеть, издалека, наверное, едет. Поболтать хочет. Сергей нехотя присел – спать не придется. По правде, он и не очень-то хотел спать, выспался он в гостинице хорошо, проснулся, телевизор посмотрел, чай попил. Что ж, придется развлекать деда. Хотя обычно он знает, что попутчики в поездах не очень-то идут на контакт. Сергей устроился удобнее, опираясь на мягкую спинку.

– Да нет, недалеко. До Новосибирска.

– Да вы что! И я туда же.

Тут Сергей вспомнил, что иногда этот прием применяют не очень хорошие пассажиры, чтобы войти в доверие с целью потом обчистить. Может... Но тут же отгнал эту мысль: глупость, перед ним человек, который одной ногой уже... стоп, и эту мысль он прервал. Посмотрел на деда. Только теперь он заметил, что дед был не то что при параде, но близко: на нем была чистая рубашка, новенький джемпер, он был свеж, умыт и причесан, насколько это слово подходило к его волосам. Он имел вид пассажира, готового выйти на ближайшей станции. Сергей в ответ сказал:

– А-а, а я думал, вы скоро выходите. Все спят, а вы уже приоделись. До Новосибирска больше трех часов еще пить.

– А это разве много? Я уже третьи сутки, как вы говорите, пилую. А что такое три часа, они пролетят. Жизнь пролетает, не замечаешь, а это – миг. Будем знакомы, Иван Николаевич. Смирнов Иван Николаевич.

Он протянул руку, Сергей пожал ее. Рука Ивана Николаевича была маленькой, шершавой и теплой.

– Меня Сергей зовут.

– Сергей. А отчество?

– Да можно просто Сергеем. А так, Петрович.

– Сергей Петрович. Так правильное будет, с отчеством-то. Очень приятно познакомиться. Едете, говорите, в Новосибирск. Живете там?

– Да, я там живу. Приезжал в командировку, в Куйбышев. Город чуть в стороне от железной дороги, поэтому доехал до Барабинска. Здесь недалеко, километров десять.

– А Куйбышев – большой город?

– Да, он даже больше Барабинска.

– А еще знаете города с таким названием?

– С названием – Куйбышев? Нет, не слышал.

– А таких городов несколько в России. Город Самара, слышали?

– Да, конечно.

– Это город в Поволжье. Так вот, это самый большой Куйбышев, только бывший. До 1935 года он был Самарой, потом стал Куйбышевым. А в 1991 году ему снова вернули старое название – Самара. Это в честь революционеров города переименовывали. Барабинск – свое название, надо полагать. А Куйбышев как назывался раньше?

– А я даже не знаю.

– А я из Кирова еду. Слышали про такой город?

– Слышал, как не слышать.

– А как он назывался раньше, знаете?

– Даже не скажу, не знаю.

– Но вы наверняка это название слышали. Вятка. Слышали?

– Да, конечно. Значит, Киров раньше Вяткой назывался?

– Совершенно правильно. Город переименовали в 1934 году... За чаем схожу. Будете чай?

Сергей не хотел чай. Но увидев, как Иван Николаевич стал тяжело подниматься, сам встал.

– Вы сидите, я сейчас принесу. Давайте свой стакан.

Дед сел, подал стакан: «Большое спасибо».

Сергей попросил у кондуктора еще один стакан. Она подала стакан в фирменном подстаканнике с логотипом железной дороги: «Ложка нужна?»

– Да, спасибо.

Когда он, осторожно держа в руках два стакана с кипятком, прошел между торчащими ногами из спальных мест и поставил стаканы на стол, на нем уже стояла пачка чая в пакетиках, мед в баночке, печенье. Иван Николаевич пододвинул к себе свой стакан:

– Вот как быстро. Я с одним стаканом пока прико-выляю, а вы даже два стакана с кипятком за один раз при-несли. Вот что значит молодость. Вот берите чай, мед. Печенье есть.

Они пили чай, разговаривали.

– А вы в наши края в гости? – спросил Сергей.

– Да родственник у меня живет в Новосибирске, решил навестить.

– Давно он там живет?

– Да лет двадцать, ни разу не был у него. Да и в Ново-сибирск первый раз.

– Тяжело вам наверно в дороге. Возраст, столько дней в поезде.

– Да ничего, а что мне на пенсии делать. Супругу похоро-нил, двое детей уже взрослые, с семьями, дети их тоже взрослые, есть даже два правнука у меня. Всю жизнь про-работал педагогом, в школе, потом в училище. Вышел на пенсию, купил небольшую избушку за городом, почти в селе. На отдыхе, как говорят, заслуженном. Но отдыхать не приходится. У меня огород, кур завел, детей яйцами

снабжаю. И так уже пятнадцать лет. Только вот уже тяжело одному стало.

– А вам сейчас сколько?

– Семьдесят восемь. В ноябре стукнуло.

– Но и как здоровье-то?

– Да больших проблем не было. Ноги плохо ходят, да глаза уже не те. Немного почитаю, все, устают. Да что я о себе, да о себе. О себе расскажите, Сергей Петрович.

– Да какой я Петрович. Называйте меня просто Сергеем. Мой рассказ будет короче. Родился в райцентре – Купино называется, учился в школе, потом армия, потом учился в Новосибирске в училище, вернулся, женился, десять лет прожили, развелся, уехал в Новосибирск, и вот уже восемь лет живу там. Работаю в фирме, чиню бытовую технику.

– Дети-то были?

– Есть. Сын, он с матерью, в Купино. Двенадцать лет будет в конце декабря, скоро.

– Во второй раз-то не женились?

– Официально нет. Но живем с одной, уже два года. Как будет дальше, не знаю. Квартиру снимаю.

– А вам сколько лет сейчас?

– Сороковой пошел. Старый уже.

– А в Новосибирске нравится жить? Он же большой?

– Да, говорят, около двух миллионов население, самый большой город в Сибири.

– Его же тоже переименовывали.

– Да, он раньше Новониколаевском был. В честь царя, видимо.

– И чем ваш город знаменит?

– Ну чем... Карелин оттуда, борец, олимпийский чемпион. Кто еще... А, Покрышкин, летчик, который в войну больше всех немецких самолетов сбил. Что еще... центр Сибири.

– А старинные здания есть?
– А как же, есть. Церквушки всякие, дома старые.
– А где в Новосибирске Базарная площадь?
– Базарная? Это на рынке наверно. Только там нет вроде площади.

– А вот на главной улице где-то часовня должна быть.
– А-а, это на Красном, Красном проспекте. Посреди улицы. Есть такая часовня.

– И называется она...

– Я даже не знаю.

– Часовня святого Николая Чудотворца.

– Вот видите. Вы лучше меня знаете Новосибирск. Да, вспомнил, у нас самый большой аквапарк в России, или даже в Европе ли, недавно построили. Зоопарк тоже большой. Еще скоро, говорят, чемпионат мира по хоккею будет, ледовый дворец строят.

Кондуктор прошла по вагону, объявляла, что через сорок минут будет Новосибирск, поезд будет стоять на станции 58 минут. По вагону засновали пассажиры: кто умываться, кто за чаем, кто обратно. С верхней полки, над Иваном Николаевичем, слез парень, пошел умываться.

Иван Николаевич порылся в своей сумке, достал буклет, протянул Сергею.

– Это про мой город, Киров. На память.

– Спасибо большое.

– Да не за что... Мало ли что, всякое бывает, можно будет узнать ваш номер? Телефонный.

– Какой разговор, записывайте: 8 913...

Иван Николаевич аккуратно записал номер в свою записную книжку.

– Да вы бы сразу в телефон записали.

– Ничего, Сергей Петрович, так надежнее. Да и не особо дружу я с этим чудом техники.

Могу ошибиться.

В Новосибирске выходило много пассажиров; Сергей помог Ивану Николаевичу донести до здания вокзала сумку, хотя она и не было тяжелой. То ли от волнения, то ли от ходьбы – организм привык за эти дни бездельничать – Иван Николаевич был возбужден.

– Здесь, в зале я присяду, позвоню, а вы идите, идите. Спасибо большое, Сергей Петрович.

– Бывайте, я побегу.

Сергей крепко пожал руку своему попутчику, быстро зашагал к выходу. Пройдя мимо охранников у входа, вышел из вокзала, направился к метро. Его обдувал ветерок на привокзальной площади, он жадно вдыхал свежий воздух, в голове у него были уже другие мысли. Он уже через минуту забудет тех, кого сегодня видел в вагоне, и вряд ли когда еще увидит. Большой город завертит Сергея в своем вихре, будут меняться лица, события, быстро и разноцветно, как в детском калейдоскопе.

Но, как говорится, мы предполагаем, а...

Через несколько дней, когда заканчивался рабочий день, и Сергей уже собирался домой, зазвонил телефон. Высветилось не имя или фамилия, а номер телефона, который Сергею был незнаком. Он нажал кнопку, поднес телефон к уху.

– Да, я вас слушаю.

– Здравствуйте, Сергей Петрович. Это я, Иван Николаевич.

– Не понял, кто это?

– Мы ехали с вами в одном вагоне, три дня назад, из Барабинска в Новосибирск. Вспомнили?

– Да, конечно, вспомнил. Иван...

– Николаевич. Иван Николаевич.

– Здравствуйте, здравствуйте, Иван Николаевич! Как погостили? Что-то сказать хотели?

– Да я даже не знаю, с чего начать. Я хотел вас попросить.... Вы бы не смогли приехать на вокзал, я возвращаюсь домой, поезд мой через три часа. Я хотел с вами встретиться, сказать кое-что.

– Не понимаю. А нельзя по телефону?

– По телефону... Передать вам надо кое-что. Сможете? Конечно, я не настаиваю. Если не сможете, что делать. Но это важно.

– Кому важно, мне?

– Вам – не знаю. Мне важно. Мне больше некому передать.

– А ваш родственник, вы же к нему приезжали?

– Нет его.

– Умер?

– Нет, не то. В общем, если сможете, будьте добры, приезжайте, но, а если у вас другие планы, то... извините.

– Хорошо, я приеду. До вокзала доберусь, позвоню.

Мысленно ругаясь, Сергей стал одеваться. Были бесцеремонно нарушены его планы.

Честно говоря, планов-то никаких и не было. Женщина, с которой он жил, была на дежурстве – она работала сутки через двое, медсестрой. Сегодня были ее сутки. Сергей хотел быстрее прийти домой, выбрать какой-нибудь хороший фильм и утонуть в мягком кресле. Как бы ни было, план был это, или нет, но вечер был испорчен.

До железнодорожного вокзала было недалеко, три станции на метро. Ивана Николаевича он нашел быстро, тот находился на втором этаже, около зала ожидания, в буфете. Они поздоровались. Сергей старался скрыть свое недовольство. Но, видимо, не очень получилось.

– Я понимаю, Сергей Петрович, вы злитесь на меня.

– Ничего, ничего, говорите.

Они прошли к концу помещения буфета, расположились на мягких креслах. Иван Николаевич заметно волновался.

– Побыл я в вашем городе. Погостил. Уезжаю домой. Московский поезд в пять часов вечера по московскому времени, а по вашему, по местному – девять вечера будет. Через два с половиной часа. В общем, так, Сергей Петрович, дело такое. Я вам представился Иваном Николаевичем Смирновым. Вот паспорт мой... Но... это не так...

Он подал паспорт Сергею, тот его взял, посмотрел по сторонам.

– Да вы не бойтесь, все в порядке. Я не так сказал. Все в порядке и с паспортом, и со мной. Я расскажу, и вам все станет понятно. Так вот, слушайте. Жил, я вам говорил, в городе Кирове. Родился в 1940 году, за год до войны. Отец ушел воевать, а вернулся, когда мне уже шесть лет было. Пришел с войны раненый, работал сапожником, а потом, в 1955 году умер, когда ему только 42 года было. Сказались раны военные. Он долго болел, а последние месяцы вообще лежал. И однажды, когда дома никого не было, он подозвал меня, усадил рядом и рассказал такую историю:

– Тебе, сынок, уже пятнадцать, взрослый уже. Никому я этого не говорил, даже матери твоей. Сначала боялся, что все узнают, а потом привык, так и жизнь прошла. Ты у меня единственный ребенок, так получилось. Но ты уже большой. То, что ты услышишь, я обещал отцу, что никому не скажу. Но его, я думаю, уже нет давно в живых, да и не страшно теперь говорить. Времена другие. Ты знаешь, меня зовут Николай Сидорович. Фамилия Смирнов. Как и твоя. Но назвали меня после рождения Климом, а отец мой – Михаил Федорович Корчуганов. Значит, я – Корчуганов Клим Михайлович. Можешь удивляться, но это так. Я здесь все написал, на этом листочке, чтобы тебе не забыть. А родился я не в Вятке. Родился я в далеком горо-

де Новониколаевске в 1913 году, сейчас это Новосибирск. Жили мы в деревянном красивом доме, отец рассказывал, что мы переехали в него, когда мне было три года, а раньше мы жили в небольшой избушке, когда мама моя еще была жива. Она померла, когда мне два года было, я ее не помню. Отец остался с четырьмя детьми, я был самый маленький, у меня были еще три сестры. Помню, они каждый день наряжались, одевались красиво и убегали учиться. Тогда школы назывались гимназиями. Мы как-то с отцом были там. Мне запомнилось, что там бегали одни девчонки. Отец водил нас в кино, куда мы с удовольствием ходили, катал в карете, запряженной лошадьми. Я теперь покажу тебе можно сказать, реликвию. Это второй листочек. Ему больше тридцати лет. На нем я нарисовал наш дом. Я хорошо помню тот день, я рисовал в лавке у отца. Смотри. Вот это мой дом, отец подрисовал четвертое окно, я забыл нарисовать. У отца лавка была на Базарной площади, вот он подписал – Базарная площадь, я еще не умел писать. А вот часовня, я нарисовал, а отец подписал – Часовня Николая Ч., Чудотворца, значит. А здесь идет главная дорога – Николаевский проспект, тоже отцом подписано. Все было хорошо, отец каждый день уходил на лавку, девчонки учились, я играл с ребятами. Потом времена стали меняться. Ты это все изучал. Революция, гражданская война. А я, конечно, в то время ничего не понимал. В городе начинали стрелять, девчонки учиться не ходили, отец нас никуда не отпускал. А однажды сказал, что лавку отобрали, забрали все, что там было. С отцом я спал в одной комнате. Он стал куда-то уходить, приходил поздно, когда мы уже спали. И однажды ночью я увидел, как он сидел и плакал. Это было единственный раз, когда я таким его видел. Начали приходиться люди с ружьями. Открывали шкафы, что-то забирали. Помню, требовали у отца деньги. Один раз даже стали бить. Перестали, ког-

да мы стали с сестрами реветь. Потом мы узнали, что у некоторых купцов стали дома отбирать, а самих куда-то увозить. Говорили, жить в другое место. Однажды ночью к отцу приехал другой купец. Откуда-то издалека. Они сидели на кровати и говорили всю ночь. В полусне я не очень разбирал, о чем они говорили, только помню, гость отказывался, говорил, что всех не может. Отец ему давал деньги. Только потом я понял, о чем шла речь. Отец просил его увезти нас, детей. Знал, что дом скоро заберут, и неизвестно, что будет с детьми. Но тот не согласился, готов был увезти только меня. Отец разбудил меня. Была еще ночь. Он стал говорить мне, что я должен уехать с дядей, что мы скоро приедем к тебе, собирайся, надо ехать. Он стал искать бумагу, нашел, это был рисунок, мой тот рисунок. Он посмотрел на рисунок, перевернул, свернул пополам и написал, немного подумав – Николай Сидорович Смирнов. Храни, говорит, этот листок всегда, если забудешь – посмотришь, ты теперь, Клим, – Коля, Николай Сидорович Смирнов. А свое имя, говорит, забудь, нет теперь Клим Корчуганова, и отца у тебя, Михаила Федоровича Корчуганова, тоже нет. А мы приедем, мы найдем тебя, мол, по этому имени. Несколько раз он повторял это, несколько раз. Как большой меткой осталось во мне его: «Забудь свое имя». Я это все осмысливал позже, а там, спросонья, я мало что понимал. Потом, в поезде, и позже, читая и перечитывая запись своего отца на обороте своего рисунка, запоминал новое имя, и стараясь выполнить обещание отцу – забыть свое имя, ловил себя на мысли, что отцовские слова были сказаны с такой интонацией, что я наоборот старался запомнить, вернее не забыть, что звали меня Климом Михайловичем Корчугановым, а отец мой – Михаил Федорович Корчуганов. Так я, сынок, стал Николаем Сидоровичем Смирновым. Отец не дал попрощаться с сестрами, они спали, когда мы уходили. Боль-

ше их я никогда не видел. Но все равно я знал их имена: Полина, Марья и Глаша, и помнил всю свою жизнь. Мы пришли на вокзал, отец даже не зашел в помещение вокзала, видно, боялся чего-то, мы попрощались на улице. Он крепко прижал меня, сказал, что обязательно ко мне придет, найдет меня. Просил не расстраиваться. А я и не расстраивался. Это теперь у меня щемит сердце и идут слезы из глаз, а тогда я ничего не понимал, мне даже было интересно. На поезде покатаюсь. А отец с сестрами скоро приедут ко мне. Знал бы я...

Сергей поднялся, снял куртку, сказал: «Я сейчас, воды куплю». Принес газированную воду, разлил по стаканам, один пододвинул Ивану Николаевичу.

– Целая история на роман получается. Придумывать будешь, так не придумаешь.

– Жизнь придумает лучше всякого человека, Сергей Петрович, еще как придумает. Рассказываю дальше. Я сидел около кровати отца, пораженный услышанным. Спрашиваю, как дальше сложилась его жизнь. Он рассказывал долго. Я все не запомнил. Когда они с тем незнакомым дядей сели в поезд в Новониколаевске, тот сразу забрал все деньги у отца, дед ведь ему тоже денег дал, тот купец видел. Ехали несколько дней, доехали до города Вятки. Сошли с поезда, купец велел подождать и исчез. Отец переночевал на вокзале, потом попал к беспризорникам, через два месяца его поймали и определили в приют. Рос, выучился на сапожника, женился. Много чего ему пришлось пережить. Говорил всем, что отца и мать не знает, сирота. А сам все время ждал отца, ночами плакал, вспоминал жизнь в Новониколаевске: дом, отца, сестер. Сколько раз хотел съездить туда, когда подросток, но годы были неспокойные. Потом война, ранение, так и не получилось. Он просил меня, чтобы я съездил. Чтобы я поклонился дому, где он жил, если его не снесли, объяснил на своем рисун-

ке, где он находится, сказал: «Вот если напротив часовни на рисунке моем встать, надо идти вправо, первая улица, называлась Тобизеновская, а через два переулочка и будет он, на рисунке я его точно нарисовал. Только окно одно забыл, отец подрисовал. А здесь, повыше Базарной площади, кладбище есть. Там моя мать покоится, родители отца, он возил меня на кладбище как-то. Кто знает, может и прибавилось там родственников наших. Сходи туда, поклонись. Может, из сестер кто живой, имена здесь, напишал, на втором листочке».

– Но вам так и не довелось приехать? – спросил Сергей.

– Да, ты знаешь. В первый раз с тобой и приехал, три дня назад.

– А друг-то как живет, виделись?

– Друг, – голос Ивана Николаевича сделался тихим и грустным. – Эта проклятая привычка всю жизнь что-то недосказывать. Или привирать. Так и идет из поколения в поколение... Не было друга. Я помню слова отца: «Я всю жизнь скрывал свое имя. Молчал о том, где родился и рос, боялся, что выяснится. Я все ждал отца, верил, что он меня найдет. Но когда прошло несколько лет и он не появился, я понял, что его нет в живых; тогда стал бояться еще больше. Потом сороковые годы, сам понимаешь, потом война. Так и прожил, боясь, под чужим именем». Так и у меня, Сергей Петрович. Соврал я про друга.

– И чем же вы занимались эти дни в нашем городе?

– Для начала поселился в гостинице. И все эти дни ходил по городу. Нашел ту часовню. На Красном проспекте. И знаешь, и дом нашел, он сохранился!

– Да ну?

– Да, да. На Тобизеновской, это теперь имени Горького улица. Там всего несколько домов деревянных сохранилось. И один из них дом моего деда! Я его по рисунку

своего отца узнал. По количеству окон. Только ставни в доме закрыты, и двери на замке. Два дня приходил, в соседних домах поспрашивал, никто не знает кто хозяева и где они. В последний день поклонился дому, как и просил отец. По Базарной площади прошел, где отец тот рисунок рисовал, в лавке деда моего. Сходил на кладбище, только там парк разбили, прошел по парку, посидел на лавочке, у ближайшей березы цветы положил.

Иван Николаевич на некоторое время помолчал, потом из нагрудного кармана вытащил пакет. Небольшой, целофановый. В нем были два листочка. Старые. Но один был новее, Иван Николаевич его развернул, сказал:

– Это листок, где мой отец настоящие имена написал. Свое, отца. И имена своих дочерей. А на этом, втором, тот его рисунок.

Иван Николаевич аккуратно стал разворачивать сложенный несколько раз листок. Он был измочален, белый, по-видимому, когда-то был, но стал серым, по линии сгиба бумага истерлась, и листок разваливался на куски. На рисунке еле заметно просматривался дом, часовня, еще какие-то дома, и только надписи были более заметными.

– Через несколько дней отец умер. А молодость – период в жизни ненадежный. Я куда-то запрятал эти листочки и забыл про них. И только пару лет назад они выпали из страниц какой-то книжки. Я не узнал, хотел выбросить. Но потом вспомнил. Просил детей вместе поехать, да им некогда. Решил один съездить. И вот у меня такая просьба. Все равно кто-то объявится в том доме, передать бы им... Хотя, кто поймет, неизвестно, возьмут ли. Но, не знаю, Сергей Петрович, не знаю. Заберите, что-нибудь сделайте.

Иван Николаевич пододвинул Сергею листочки, его дрожащие руки очень осторожно касались этих листочков, будто хозяин этих рук боялся неверным движением

повредить их. Сергей ничего не сказал, сложил листок с именами, так же аккуратно сложил второй листок. Когда складывал, остановил взгляд на записи на первом листочке. Долго их изучал. Потом посмотрел на Ивана Николаевича:

– Клим Михайлович Корчуганов. Ваш отец. Его настоящее имя.

– Да, совершенно верно. Клим Михайлович Корчуганов. Он это помнил всегда. Всю жизнь. Хотя его отец, мой дед твердо наказывал отцу забыть это имя.

– А вы, получается, Иван Климович Корчуганов. Должны были быть.

Иван Николаевич опустил голову. Тихо ответил: «Да, именно так».

Сергей положил пакетик с листочками в карман, встал: «Пойдемте, ваш поезд объявили».

Что-то изменилось в голове у Сергея после этой, второй встречи с Иваном Николаевичем. Теперь, идя по городу, он стал замечать старинные дома, останавливался около них, внимательно рассматривал. Изучал таблички, если они были, считал, сколько лет дому. Искал глазами деревянные дома, они встречались, но редко. Увидев их, обходил со всех сторон, любовался, как они были украшены, прикидывал, сколько лет этим стенам из бревен. Вечерами не сидел перед телевизором, просматривая фильмы, он сидел за компьютером. Листал сайты про историю Новосибирска и области, и это его так заинтересовало и увлекло, что он каждый вечер после работы торопился домой, наскоро перекусывал и уходил в увлекательное путешествие в историю. Он узнал, что Куйбышев, куда он изредка ездит в командировку, раньше назывался Каинском, а Куйбышевым он стал в 1935 году, узнал, чем славился в старые времена этот город, даже про свое родное Купино он узнал много, чего не знал, но самое интерес-

ное, конечно же, было в Новосибирске. Он был удивлен, когда узнал, что Базарная площадь – это нынешняя имени Ленина, изучил историю Часовни Святого Николая, которая была построена в 1914 году, в связи с 300-летием дома Романовых. Оказывается, часовню сносили, а через шестьдесят лет, в 1993 году, возвели вновь. Интересно! А какие крепкие были в те времена, судя по построенным ими на свои деньги домам, купцы. Особняк купчихи Жернаковой, дома купцов Ефремова, Куклина, Лихачева, Пяткова, Маштакова... всех и не перечесать! Даже вычитал, что в старые времена, когда еще не было цемента, при кладке кирпичных стен в раствор добавляли бычьей кровью и яйца, вернее, белок яиц. Неужели так было?!

А ближайшие выходные у него прошли так. В первую очередь он пошел искать дом Корчуганова; он изучил все записи на листочках, которые ему передал Иван Николаевич, и знал, что он ищет дом купца Михаила Федоровича Корчуганова, где он жил в прошлом веке с сыном Климом, дочерьми Полиной, Марьей и Глашей. Выйдя из метро на площади Ленина, он пошел по Красному проспекту в сторону часовни. Он знал теперь, что этот проспект раньше назывался Николаевским. Не доходя до часовни, нужно свернуть вправо, на улицу Горького, бывшую Тобизеновскую, размышлял мысленно Сергей. Он знал, что дом должен быть с левой стороны, через два перекрестка. Он нашел его сразу. Он не раз проходил по этой улице, но до сегодняшнего дня попросту не замечал бы этот дом. Чтобы не ошибиться, прошел дальше, до следующего перекрестка. И снова стал возвращаться. Ошибки не было. Деревянных домов было всего три. Один был двухэтажным, у другого было шесть окон. Оставался третий, с четырьмя окнами. Да и на рисунке было нарисовано маленьким Климом очень похоже. Это точно тот дом. Сергей стоял и рассматривал его. Действительно, ставни

были все закрыты, двери тоже. На фоне громоздящихся больших высотных домов деревянный дом выглядел низеньким и невзрачным. Бревна стен дома почернели и потрескались от времени, резные кружевные наличники, украшения карнизов, некогда, конечно, красивые, смотрелись некрасиво, грязно. Стойки ворот покосились, доски обветшали. Сергей стоял, представлял, что могло быть здесь сто лет назад. Вот со смехом выскакивают из калитки три девочки, садятся в повозку, старшая, Полина, кричит: «В гимназию!», и кучер, посмотрев, все ли уселись, трусцой пускает лошадь в сторону Николаевского проспекта. А позже выходит бородатый крупный мужчина, он держит за руку мальчика лет пяти-шести, и они тоже направляются в сторону проспекта. Мысли Сергея прервала громко посигналившая машина, водитель которой собирался припарковаться, а Сергей в своих фантазиях оказался на обочине, отошел от тротуара. Он вернулся на тротуар, походил еще немного, пошел обратно. Возвращаясь, он вглядывался в лица пожилых женщин и мужчин. А вдруг среди них идут дети или внуки сестер Клина! Кто знает. Выйдя на проспект, он шел мимо высоких современных зданий, видя молодых людей, дальше развивал свои мысли: а среди них, возможно, уже правнуки... В своих размышлениях он подошел к зданию краеведческого музея. К своему стыду, он за эти годы ни разу не был в этом музее. Сергей обошел его, внимательно рассматривая красивое здание. И про него, которое называлось в те времена Базарным корпусом, он кое-что узнал: построено в 1910 году, на первом этаже располагались торговые точки, на втором Управа – администрация по современному, городская Дума, банки, а в подвале была своя котельная и электростанция. Сергей зашел в музей. Купил билет, пошел по залам, а когда вышел, часа через три, сил оставалось только на то, чтобы добраться до дома. Конечно,

было интересно посмотреть на экспонаты, здесь были представлены и животный мир, и жизнь древних народов, и старинное и современное оружие, и годы войны, и многое-многое другое. Но почему-то он снова оказывался будто бы там, в те годы, когда жила семья Корчугановых. Первый этаж, торговые точки. Забегают те трое девочек, которые с веселым шумом уезжали в гимназию. Толкая друг друга, они рассматривают на витрине, под стеклом, различные украшения. Полина и Марья увлечены этим занятием: перебивая друг друга, показывают то на одно украшение, то на другое. Но Глашу, самую маленькую, это не особо интересует. Она рассматривает помещение и вдруг изменяется в лице, толкает сестер: «Папа, идет, папа!» Сестры прерывают занятие, бросают взгляд на дверь и как по команде, быстро убегают в другое помещение. Глаша за ними. А у дверей стоит и отряхивает шапку, пальто от снега мужчина, который выходил из дома на Тобизеновской. И мальчик тут же. Это Клим, а мужчина – его отец, известный купец Корчуганов Михаил Федорович. Он ищет в кармане что-то, подает сыну монету: «Иди, купи петушка». А сам поднимается на второй этаж, он идет в банк. А Клим знает куда идти, прямым ходом спешит в соседнее помещение, где торгуют разными сладостями: печеньем, вкусными булочками, и конечно, сладкими леденцами, посаженными на палочки фигурками петушков. Неожиданно Клим натывается на своих сестер, выбегающих из этого помещения, они чуть его не сбивают с ног, на бегу Полина успевает шепнуть ему на ухо: «Отцу не говори». Понимающе проводив взглядом бегущих сестер, Клим подходит к знакомому уголку, подает, ничего не говоря, торговке в белом халате монету. И она ничего не спрашивает, с улыбкой вручает Климу вкусного большого петушка. Теперь Клим будет долго об-

лизывать свою покупку, рассматривать витрины, время от времени посматривая на лестницу – не идет ли отец.

На следующий день, в воскресенье, Сергей пошел на кладбище. Но это было давно, а сейчас это Центральный парк. О чем Сергей узнал тоже в последние дни. Как много чего узнал он в последнее время! Когда поселок был небольшой, кладбище было за поселком. Но когда поселок разросся, превратился в город, кладбище оказалось в середине города, и его пришлось закрыть. Потом там разбили парк. Сергей ходил по парку, он был большим, в нем росло много деревьев, на территории парка находились театр, большое колесо обозрения, были построены аттракционы, игровые, спортивные площадки, дорожки, расставлены ларьки, будки... Но Сергей ходил по парку и представлял, как подвозил сюда Михаил Федорович своего сына, показывал могилу своей супруги, матери Клима, а еще раньше схоронил и своих родителей, отца Федора Корчуганова, и мать... имени ее Сергей не знал. И кто знает, может и сам Михаил Федорович здесь покоится, и дочери ее, а может и нет, может, где-нибудь, в общей яме...

Кто знает, сто лет прошло, да и событий не меньше.

Сергей посидел на лавочке, осматривал парк, потом замерз и пошел к выходу. Проходя около больших колонн у входа парка, еще раз оглянулся. Кто скажет, что здесь было кладбище?

Приблизившись к театру оперы и балета, Сергей отметил, что это еще одна достопримечательность Новосибирска. Он прочитал и про него. Театр построен в 1945 году, после войны, при Климе его еще не было. При нем была Базарная площадь, на которой сейчас стоит Ленин с революционерами. На Базарную площадь съезжались с окрестных деревень крестьяне, и конечно, это было самым шумным и бойким местом города. Вся территория,

где сегодня летят по Красному проспекту иномарки, в то время было заставлено подводами с лошадьми. Лаяли собаки, визжали поросята, орали мужики, где-то, около кабака, скорее всего, звучала патефонная музыка. Кто-то продавал, кто-то покупал, кто-то жульничал, кто-то лазил по карманам... Все крутилось, вертелось, как и сегодня. Мало что поменялось. И где-то здесь, размышлял Сергей, находилась лавка купца Корчуганова Михаила Федоровича. А в лавке, среди коробок и ящиков с товаром, сидел и рисовал свой дом его сын, Клим...

И этот рисунок был сейчас в руках у Сергея. Бумага за эти сто лет истлела, пожелтела и мало была похожа на бумагу. Этот детский рисунок носили под сердцем, он побывал в чужих краях, десятилетиями лежал между страницами разных книг, и через сто лет снова оказался там, где его нарисовали. Нет уже хозяина рисунка, нет столика, нет лавки, где он был нарисован. А рисунок есть.

Первоначально у Сергея была мысль попробовать отыскать по этим именам на листочке хоть кого-то. Может из сестер Клим кто найдется. Представлял, что встретит все-таки кого-нибудь живого, возможно, с другой фамилией, именем. Скажет, что настоящая фамилия ваша – Корчуганов. Но когда теперь подсчитал, понял, что это невозможно. Даже дети сестер Клим будут старше Ивана Николаевича. Ладно, найдешь старого человека, потом? Не стал же ничего менять, ни имя, ни фамилию и Иван Николаевич, и его отец. Сергей вспомнил слова Ивана Николаевича, которые он услышал от отца, лежащего на кровати: «Конечно, каждый должен знать род свой до седьмого колена. Но иногда жизнь так скрутит в бараний рог, загонит в самый угол, что приходится врать. Чтобы только выжить. И жить потом в постоянном страхе». Сергей также вспомнил, как рассматривал буклет, подаренный Иваном Николаевичем про Киров, и

в тексте было написано, что хотели городу снова старое название вернуть – Вятку. У людей спросили, опросы сделали. А люди решили: не надо, зачем... И действительно, можно поменять площадь Ленина снова на Базарную, или поменять человеку имя, на первоначальное. Но можно ли снова сделать так, чтобы вместо этих бегущих машин снова оказались лошади, брички, кареты и лавка купца Корчуганова? И чтобы в нем сидел шестилетний Клим? Конечно же, нет. Клим прожил свою жизнь под чужим именем. Скрыл свое настоящее имя. Но потом новое имя стало его настоящим. И кто скажет, где правда? Историю и не остановить, и не повернуть обратно. Сколько еще судеб, жизней и событий, где тоже есть недосказанность, даже неправда, промелькнула и промелькнет еще даже вот на этом небольшом клочке земли России, бывшем когда-то полем, а сегодня площадью, которая будет безмолвным свидетелем этих событий...

С этими мыслями и стоял Сергей на площади имени Ленина.

Неожиданно для себя он вытащил зажигалку, зажег и поднес огонь к этому листочку. Бумага долго не загоралась, но потом резко вспыхнула, загорелась. Пепел бумаги разносило небольшим ветерком по площади, прохожие удивленно посматривали на парня, держащего в руках горящую бумагу. Бумага сгорела быстро, когда оставался только кусочек, за который удерживали пальцы, он отпустил. Огонь погас, но и этот кусочек ветер подхватил и завертел по асфальту площади.

Сергей не знал, правильно ли он делает, он не задался этим вопросом. Все должно уходить туда, откуда пришло. Так думал он. Старый листок с рисунком миссию свою выполнили сполна. Остальное от них не зависело...

Через несколько дней в районном центре Купино, в одной квартире двухквартирного дома зазвонил телефон.

Женщина средних лет, положив скалку, вытерев руки о передник, подняла трубку.

– Слушаю... А-а, слушаю, говори... Петьку? ...А чего хотел, что-то случилось? Просто поговорить? Поди, хотел с днем рождения... да, верно, рановато еще... Ладно, позову.

Женщина положила трубку на стол, прошла к соседней комнате, открыла дверь:

– Петька, тебя отец к телефону. Из Новосибирска. В кои-то веки! Что это с ним?..

СЕМЬ ЛАМПОЧЕК

— Петька, можно?

У входа стоял небольшой парень лет тридцати.

— Заходи, чего уж там.

На голове у парня большим комом сидела шерстяная вязаная шапка, которую он быстро снял, торопливо прошел к первому стулу, присел. Объемная болоньевая куртка громко шуршала с мороза, присев, он старался не двигаться. Спортивные зимние штаны навывпуск были коротковаты, и когда он сел, из-под них виднелись голые ноги, длинные носки, которые свисали на зимние массивные китайские ботинки.

Звали парня Петя, Петр. Работал он электриком в совхозе, в соседней деревне. Сидел он на окладе, на очень небольшой, да и работа была так себе, утром пришел в контору, если нет никаких срочных дел, аварий, или еще чего, свободен. Жил он с матерью, она была уже на пенсии, детей у нее, кроме Пети, не было. Она постоянно пилила Петю, что тот не женится. Но в последние годы уже и перестала, отчаялась. А Петя и в ус не дул, противоположный пол его не интересовал абсолютно. С детства его интересовали машины, железяки, мог спокойно собрать велик из запчастей, позже неплохо разбирался в машинах. Сходил в армию, потом выучился на электрика и вот уже пять лет занимался тем, что менял перегоревшие лампочки или неисправную проводку на объектах совхоза.

А зашел он сегодня к другу детства, которого звали, так же как и его, Петей. Тот выучился на учителя, несколько лет работал в школе, а сейчас работал в сельсо-

вете, председателем. Петя, Петр Иванович сидел за большим лакированным столом, к которому был приставлен другой, еще больше, тоже лакированный. Что-то записав на листочке, он пошел к выходу, бросив Пете: «Сейчас в бухгалтерию бумажку отдам». Председатель вернулся быстро. Присел рядом с Петей.

– Как живешь-то хоть, Петька?

– Да вот, к тебе хотел зайти, да к тебе, как в мавзолей, очередь. Еле отстоял. А несколько дней назад, вообще плюнул, ушел. И чего люди от тебя хотят. Как будто им ты можешь помочь чем-то.

– Да по-разному. Бывает, и помогаешь. А куда им идти?

– Да некоторым, поди, делать нечего, ходят, тебе мозги вправляют. Вот, уже идут.

В дверь постучали и появилась бабушка.

– Здравствуйте, можно к вам, Петр Иванович?

– Да конечно, вы уже и так зашли. Садитесь. Вера Васильевна, с чем пришли, рассказывайте.

– С чем пришла я, – бабушка прошла к стульям, присела. – Да горе у меня. Сено кончается. Не поможете, Петр Иванович, технику надо, машину или трактор. Лучше трактор.

– Да на ваш покос по такому снегу – только трактор. А что, осенью не вывезли?

– Нет, милый, нет. Мы одну машину только привезли. Васька, ирод, на второй рейс-то поехали, в магазин завернул, водки набрал – и к речке. И все, сено осталось на покосе. Хорошо хоть потом съездил, огородил. Так-то он сготовил сено за лето, только вот не вывез. Я теперь только одну держу, корову-то. Правда, с телком. Двух машин и хватает мне, сена-то. И то вот, не могу вывезти вовремя.

– Я после обеда как раз в совхоз поеду, тетя Вер, если трактора есть, выпрошу. На какой день, скажу. Грузчики-то найдутся?

– Да соберет Васька дружков своих, будь они неладны. Спасибо, сынок, ждать буду.

Бабушка пошла к выходу, осторожно перешагнула порог, закрыла дверь.

– Васька пьет, гад, – проводив Веру Васильевну взглядом, молвил Петр Иванович.

– А кто сейчас не пьет.

– А как учился, отличником был. И в футбол лучше всех играл.

– Да наш класс за счет него и выигрывал всегда.

– Ладно, чего заходил, рассказывай.

– Да тут такое дело... Скоро Новый Год... Есть идея.

Председатель сельсовета сразу изменился в лице, недобро посмотрел на Петю, встал, прошел за свой стол.

– Петька, мне сегодня не до идей. Денег в сельсовете нет. А я еще после твоей летней идеи не отошел. Так что, извини, больше никакие идеи твои я внедрять не буду.

– Да ты не выслушал даже!

– И не буду! Мне те деньги чуть на шею не повесили!

– Подумаешь! Это копейки. А настоящие деньги вон, на дорогу выбрасываете и никто никуда не вешает!

В дверь снова постучали, и в кабинет ввалились несколько человек.

Петя безнадежно махнул рукой и пошел к выходу. Постоял в коридоре, недружелюбно посмотрел на вывеску, прикрепленную на двери председателя сельсовета и бросив: «Эх, Петька, Петька, Петр Иванович...», – нахлобучил шапочку и вышел. Во дворе сельсовета он снова окинул взглядом двор сельсовета, не нашел кучу гравия, которая долго лежала, еще с лета. Когда заходил, не догадался, не посмотрел, торопился зайти. «Вывез, на машине», – подумал Петька. А куча гравия была напоминанием о его «идее», о которой ругался его друг детства, теперь председатель сельсовета.

Петька остановился около калитки ограды, оглянулся назад, вспоминал.

А дело было так. Как-то понагнали из города различную технику, стали раскапывать посреди деревни траншеи, забегали рабочие. Петька, с утра отметившись в совхозе и вернувшись, увидев технику, людей, пошел поглазеть. Два экскаватора копали траншею, землю грузили в самосвалы. Двое рабочих ходили по улице, один с рейкой, другой с треногим инструментом. Что-то замеряли. Еще двое стояли в сторонке. Один полный, с папкой в руке. Петька подошел к ним.

– Здравствуйте, мужики.

– Здравствуйте.

– Что здесь будет?

– Вода будет, вода. Воду чистую будете пить.

Отвечал тот, что был с папкой. Видимо, он главным и был.

– Да она у нас итак не грязная, вон какая чистая в реке.

Главный ничего не ответил, только покосился на Петю, дал знать, что разговор закончен: «Вы отойдите в сторону, не мешайте, тут техника...».

Петя прошел до конца улицы. «Так, – думал он, – если будет вода, то можно будет из колонок набирать воду, как в городе. Если около стадиона колонка будет, то каток можно будет заливать сразу из колонки, а не возить бочками, как они делают. Вода же будет под давлением. А что если...».

Он быстро пошел в сторону сельсовета. Но в конторе Петра не оказалось. Дожидаясь его на улице – сказали, что скоро приедет, – он мысленно уже представлял, видел, что он задумал.

Когда он дождался председателя, тот встретил его не очень дружелюбно, настроение было не очень – получил

нагоняй на совещании. Но Петя не обратил на это внимания.

– Председатель, есть идея.

– Давай, только если бесплатно.

– Бесплатно, только... Ладно, слушай. Давай у тебя во дворе фонтан сделаем!

– Какой еще фонтан? И зачем он у меня во дворе?

– Но не у тебя дома, а во дворе сельсовета. Красивый водяной фонтан. Люди будут к тебе приходить на прием, а перед тем, как зайти, присядут у фонтана, отдохнут, водяными парами подышат.

– Петька, тебе чего, делать нечего? У меня детей нечем кормить в школе, денег нет. И какие пары водяные? Пусть идут к речке и дышат. Тебе кто-нибудь жаловался, что ему водяных паров не хватает?

– Да это я так, к слову. Но красиво же будет, цветы посадите вокруг.

– Петька, иди домой, картошку лучше протяпай. Сейчас, мимо дома вашего ехал, мать твоя одна в огороде. Меня люди ждут. Пока.

Петька проводил взглядом председателя, людей, которые за ним зашли в контору. Сплюнул, проворчал: « Да какие же вы люди все-таки... Картошка... ».

Но на следующий день он снова был у председателя. Разложив исписанные и расчерченные тетрадные листочки, он с жаром рассказывал, каким будет фонтан.

– Скажу честно. Чертежи я взял из журнала. Вокруг фонтана будет резервуар с водой высотой с метр, трубы, из которых будет бить вода, будут располагаться по периметру, наклон их можно будет регулировать. В общем, чтобы долго не болтать, я просчитал, сколько всего нужно. Нужны трубы различных диаметров, краны, задвижки, форсунки, металл, цемент, пиломатериал, гвозди. Всего на тридцать две тысячи.

– Ты что, охренел? У меня весь фонд оплаты на месяц на весь сельсовет пятьдесят тысяч!

– Но можно сэкономить. На опалубку не деловой пиломатериал взять, а горбыль. У строителей цемент можно вечерком выторговать, за спиртное.

– Ты совсем спятил, в тюрьму захотел?

– Ладно, ладно. Это я так. Но зато у тебя фонтан будет! Весь район к тебе будет приезжать, фонтан смотреть!

– Кому он нужен, фонтан твой! Людям жрать нечего, а ты... фонтан!

– Кто с голодудохнет, покажи мне! Алкаши, которые пенсию родителей пропивают, или молодые мамы, которые работать не хотят, а пиво как-то покупают, не на детские ли пособия?!

Их спор прервал телефонный звонок. Поговорив, председатель повесил трубку.

– На совещание вызывают, пойду я. Маме привет.

На следующий день разговор у них продолжился. Председатель уже не был так категоричен, разговор поддержал, говорил:

– Ты очень многое не учел. Берешь стоимость материалов, а их же привезти еще надо. Затраты на перевозку. Еще оплата за работу.

– Материалы можно привезти этими же машинами, которые у нас на водопроводе работают. Они так и так каждую неделю в город ездят, на выходные. А за работу... можешь не считать. Работать буду я сам, один. А зарплата мне не нужна.

Это было последним аргументом. Председатель сдался.

Целый месяц Петя строил этот объект. Работа спорилась, но проблемы возникли в первый же день. Яму он выкопал быстро, попросил бригадира водопроводчиков. Тот нехотя согласился, выделил экскаватор, в течение

пары часов хорошая ровная площадка перед сельсоветом превратилась в полосу препятствий. Ровно посередине была вырыта яма, вынутый грунт был высыпан с двух сторон, прямо впритык к ограде. Когда тракторист закончил работу и уехал, выяснилось, что к сельсовету пройти невозможно. Вышли работницы сельсовета – собрались на обед – и стояли в недоумении, а с другой стороны стоял Петя, соображая, что теперь делать. Ломиком он освободил одно небольшое звено ограды около здания сельсовета и выпустил пленниц на волю. Сам сбегал домой, принес лопату и стал откидывать грунт от ямы, чтобы получилась тропинка. Тропинка получилась, но узкая, шире не получалось, откидываемый грунт снова скатывался обратно. Первая же посетительница, бабка, тетя Фрося, с палочкой, прихрамывая, подошла к сельсовету, очень долго изучала произошедшие изменения, и стоя в начале Петиной тропинки, спросила: «Петя, что ты здесь делаешь, что здесь происходит?»

– Здравствуйте, тетя Фрося, проходите.

– Куда?

– Но куда вы шли, в сельсовет?

– Да, Петя, я в сельсовет шла, а ты хочешь, чтобы я в яму сковырнулась? Как я должна, по-твоему, по этой узенькой дорожке проскакать? Я тебе козочка, что ли, какая? Зови председателя!

– Нет его.

– И когда вы ее закопаете?

– Кого?

– Кого, кого... яму эту!

– Да мы ее только выкопали. Работа только начинается.

– И что же за работа это?

– Здесь фонтан будет. Из труб будут красивые струи воды литься, а вокруг будет вода, в большой ванне.

– Вода? В ванне? Это что, коров что ли, поить?

– Каких коров? Здесь будут скамейки вокруг, цветы. Как около речки.

– А вам что, лень до речки дойти? Идите и валяйтесь среди цветов. И на речку смотрите. Вам что, делать нечего? Нет, я иду жаловаться. Бездельники!

Тетя Фрося ушла, выкидывая в сторону сельсовета слова негодований. Сдержала свое слово, пожаловалась.

Через некоторое время вышла кассир сельсовета, маленькая и худенькая Поля. Постояла, посмотрела, как возится на дне ямы Петя.

– Из района звонили, спрашивали, что там у вас творится. Председателя ищут.

Петька ничего не ответил. Потом пришел участковый, Колька Безмеров, он учился на два класса младше двух Петей. Тоже постоял около ямы, спросил: «А где председатель-то?»

– Не знаю, ездит где-то.

– Люди жалуются, в сельсовет не пройти.

– Вон, – Петька показал на разобранный участок ограды, – проходи.

Но участковый не пошел, постоял, спросил: «А когда Петр Иванович вернется, не знаешь?», Петька зло бросил: «Не знаю, я не секретарь его». Участковый ушел.

Петька целый день провозился на дне ямы. Что-то мерил, отмечал, выравнивал дно ямы, выкидывал лишний грунт... Еще приходилось отвечать на расспросы сельчан; вести в деревне распространяются со скоростью звука, и людей, и взрослых и детей в этот день было хоть отбавляй. Одни удивлялись, другие радовались, это были дети, некоторые возмущались, как тетя Фрося.

Когда уже стало темнеть, и Петька собирался идти домой, прикатил председатель на стареньком «УАЗике». Ничего не сказал, подошел к краю ямы, стоял. Петька вылез

из ямы, стал собирать свои инструменты: лопату, ломик, уровень, рулетку. Председатель рассматривал яму, грунт с двух сторон ямы, разобранную ограду, тяжело вздохнул:

– Не поддерживают нас с тобой, Петька. Меня в районную администрацию вызывали, нашли в райцентре. Не нужен фонтан людям, говорят, дурасть все это.

– А откуда они знают, что людям нужно, а что нет? Они спросили у самих людей-то этих?

– Так и мы, Петька, не спрашивали. Нам с тобой вздумалось – что-то в башку ударило, мы и решили, что это хорошая идея. А люди-то не просили у нас с тобой фонтан. Вон, протокол последнего схода почитай. Люди хотят, чтобы почта у нас постоянно была, чтобы ребятишек в школе кормили хорошо, чтобы вода была, хотя бы в колонках, чтобы дорогу на кладбище зимой постоянно чистили, в конце концов. А про фонтан там ни слова!

– Это их колокольня, Петя. Конечно, все это надо. Я не спорю. Но твоя колокольня выше должна быть. Ты почему оказался на этой должности? Потому и рассуждать и думать должен не так, как все. Ты это делаешь. Иногда. Вот в прошлом году ты же предложил заменить школьную ограду на металлическую, с кирпичными столбами. Да, дороже. Но она себя за несколько лет оправдает. То ли каждый год менять деревянную, которую пацаны постоянно ломают, то ли ты поставил из металла, со столбами из кирпича, навечно. И красиво и надежно. А ведь никто не просил тебя ставить металлическую ограду, это было твое предложение, ты ведь убедил людей. И был прав!

Председатель усмехнулся, вспомнил тот сход, кинул взгляд на территорию школы, но было уже темно, он ничего не увидел. Но он знал, что там стоит ограда, предложенная им. И это было правильным решением.

– Но тот случай, Петька как с фонтаном сравнишь. От ограды толк, а от фонтана? Да, ограда новая себя оправдала материально, а фонтан?

– Вот ты сегодня зачем костюм напялил?

– Как зачем? Я в район ездил.

– Вот. А здесь, в деревне, ты свободно в джемпере ходишь на работу. Ничего. А в район поехал – пиджак, галстук, рубашка. Для чего? А для того, чтобы людям приятно на тебя смотреть было. Что это председатель сельсовета, а не шаромыжник какой. И разговор у людей с тобой другим будет. Я не говорю, что на тебя костюм набрось и все проблемы будут решены. Нет. Просто отношение первоначальное к тебе будет доброжелательным. А там, дальше, конечно, твой ум и так далее на первый план выйдут. Так и с фонтаном. Приедут люди, вопрос какой-нибудь решать, перед сельсоветом фонтан, вода, цветы распустились. И у людей настроение совсем другим будет! И зайдут они к тебе с улыбкой и добрым желанием. И наши люди станут радоваться, перед другими селами хвастаться: у нас фонтан есть.

– Но об этом бабка надвое, неизвестно, будет радость у наших или нет.

– И о пользе. Материальной. Вот вам везде выгода нужна. Деньги, прибыль. Опять с твоим костюмом пример. Сейчас лето, ты дома спокойно в трико и футболке ходишь. И ты спокойно можешь поехать в них в район, в них удобнее. Но ты же так не едешь. Ты материшься и надеваешь галстук, костюм, едешь. А в материальном плане? Сколько костюм стоит? А футболка? Костюм тебе приносит убыток. Твоей семье! Но ты ведь на это не смотришь. Так вот фонтан это твой костюм. Да, он принесет убыток сельсовету, если считать в деньгах. А ты не считай в деньгах, а в других измерениях считай. И ты там прибыль найдешь. Ты его руками не возьмешь, эту при-

быль, на хлеб не намажешь. Но душу насытишь. Конечно, если она у кого-то есть в наше время.

Председатель зашел в сельсовет, вышел, закрыл на замок здание, присел на крыльцо. Петька кивнул на крыльцо: «Пыльно же, целый день трактор работал». Петр Иванович махнул рукой. Петька присел рядом. Два Петра сидели, молча глядели на место будущего фонтана. Потом один молвил:

– Я в район ездил денег просить на фонтан. Не дали, да и жалоба отсюда.

– Это тетя Фрося. Из-за жалобы не дали?

– Нет, я уже из финотдела выходил, когда отказали, мне сказали – ищут меня. Ходил по кабинетам, ругали.

– Что решил?

Петр Иванович встал, отряхнул брюки, еще раз кинул взгляд на яму.

– Денег не дадут. Где-то будем выкраивать, искать. Будет у нас фонтан. Только ты, Петька, не подведи. Ты же сам говоришь, это наш костюм. А куда нам без костюма...

Председатель уехал, а Петька еще сидел.

Но фонтан, как они планировали, не был построен.

Вернее, он был построен, как говорит Петька, на девяносто процентов. С утра сбежав в совхоз, Петька пропал возле сельсовета. Нужно сказать, работа двигалась неплохо. Петр Иванович, к удивлению Петьки, помогал очень здорово. Договаривался с бригадиром рабочих, что работали на водопроводе, они помогали техникой: подвезти гравий, привезти из города трубы. Выделял деньги на различные расходы: гвоздей купить, досок. Когда нужно было Петьке ехать в город, выписал командировочные, как-то выделил двух рабочих, они помогали при бетонировании. Но в основном работал Петька один. Приходил домой поздно, мать сначала ругалась, но потом стала приносить обед ему на его «стройку». Деревня уже знала,

что будет фонтан, сначала проявляла интерес, но потом все поутихло.

Как-то Петька услышал разговор двух рабочих, на водопроводе. Узнал, что скоро они уедут домой. Петька заволновался, встретился с бригадиром.

– Скажите, слышал, что вы работы сворачиваете, это так?

– Да, скоро уедем, у нас работа к завершению.

– А вода когда будет?

– А когда скважину пробурят, башню поставят. А когда, я не знаю.

– А разве не вы будете их строить?

– Нет, этим уже другая организация занимается, не мы.

– Но вы же обещали, что вода будет!

– То, что в контракте, я все выполнил, Петя. Так что, через пару дней будем прощаться.

Петька быстро направился к сельсовету. Председатель был на месте.

– Петя, когда скважина будет?

– Ты чего такой, что случилось?

– Меня интересует, когда скважина будет, и кто ее бурить будет. Оказывается,

водопроводчики уезжают, воды-то не будет. Кто скважину бурить будет?

– А ты чего так волнуешься, какая тебе разница?

– Как какая разница? Не будет воды, не будет и фонтана!

– При чем тут фонтан, Петя, в чем дело?

– Я думал, что эта же бригада пустит воду по колонкам, бригадир же говорил, что они дадут воду в этом году.

– Да не мог он такого обещать. Они воду не дают. Это надо еще скважину пробурить, башню поставить. А это уже не в этом году.

Петька бессильно плюхнулся на стул.

– А когда это будет?

– Петька, а причем водопровод, вода, ведь ты еще до строительства водопровода подкинул идею с фонтаном?

– Да нет, когда бригадир сказал, что вода будет, я и подумал, почему фонтан не сделать, ведь вода будет под напором, как из колонки.

– А мне почему не сказал?

– Что не сказал?

– Но что твой фонтан от водопровода будет.

– А что говорить, дураку понятно, вода откуда-то должна приходиться. Догадаться не трудно.

– Петька, почему я должен догадываться, ты сам сказал, что все по чертежам, мне и не надо туда вникать. Я и не вникал!

Председатель матерясь, обхватил голову руками, встал, снова сел.

– Какой же я дурак! И зачем я с тобой связался?!

Они еще долго орали друг на друга, даже кассирша приоткрыла дверь, заглянула, закрыла. Немного успокоившись, все равно со злостью смотрели друг на друга. Потом председатель достал папку с бумагами, стал листать.

– На этот год выделили деньги только на водопровод. Работы завершаются, деньги будут освоены. По плану строительство скважины и башни только через два года. Проектирование планируется на будущий год, строительство еще через год. И то, это только в планах. Как там будет на деле, еще неизвестно. Так что, с твоим фонтаном мы с тобой, Петенька, приплыли. Позор-то какой.

– Они что там, совсем без ума? Как можно планировать все по отдельности, нельзя все вместе?

– И как ты предлагаешь?

– Да очень просто. В один год и скважину построить, и воду пустить. А сейчас, если они воду не дадут, за эти два

года все же разграбят, что нынче сделали, и колонки, и все остальное. И вентиля поснимают, трубы илом забьет. И чем они думают?!

– Они чем думают, это их дело. А вот мы чем думали, когда надеялись на воду, которой не будет? Ладно, Петька, иди, смотреть на тебя уже не могу.

В этот день Петька не находил себе места. Пропал аппетит, по несколько раз бегал к строителям, не пошел на следующий день на работу. Когда уехали рабочие, совсем затосковал.

На «стройке» уже делать было нечего, по совету председателя свое сооружение он закрыл досками, засыпал землей, выровнял, поставил звено ограды на место. Только с одной стороны еще оставалась куча гравия. Потом Петька узнал, что Петра Ивановича вызывали в район, «снимали шкуру» за нецелевое использование денег. Шум-гам был большой. Однажды встретил Петька председателя, тот даже не поздоровался, прошел.

Так прошел остаток лета, пришла и зима за осенью, потихоньку история с фонтаном начала забываться.

Петька прикрыл ограду, пошел в сторону стадиона. Долго ходил по нему, что-то высчитывал, замерял шагами, записывал карандашом в записную книжку. Потом дул на руки, одевал варежки. Вечером он что-то вычерчивал, потом считал на калькуляторе.

Через несколько дней он снова сидел в кабинете друга детства.

- Что-то холодно у тебя, кочегары плохо топят?
- Ты мне зубы не заговаривай, – председатель оторвал взгляд от бумаг, – чего пришел?
- Ты извини, что с фонтаном так. Вода будет, доделаем.
- Ладно, проехали. Что у тебя там, выкладывай.
- Дело такое. Вот как мы Новый Год проводим?

– Проводим и проводим, что дальше?

– А давай людям праздник устроим. Скоро Новый Год. Как обычно, в клубе все соберутся, все такое, Деда Мороза встретят и по домам. А куда идти, везде темно. Я предлагаю стадион осветить. Стадион у нас как раз в конце улицы, его видно со всех сторон. Я посчитал, в две нитки с двух сторон проводку натянуть, по пятьдесят метров, через пару метров лампочки вкрутить, светло будет, как днем!

– Но и что, люди лампочки не видели?

– Какие вы все скучные, председатель. А ты видел, чтобы наш стадион ночью горел, как днем? Да еще в новогоднюю ночь! Это же будет сказка!

– Да как-то не до сказок нынче. Да и кто этим будет заниматься?

– Да я и займусь. Я вот посчитал, сто двадцать метров проводки, пятьдесят лампочек, патроны к ним, изоляцию. Пять тысяч пятьсот. Остальное я сделаю сам.

Петр Иванович взял Петькины расчеты, стал изучать.

– Так. Проводка. В счет ремонта... так... В общем, достану тебе все это. Но все будет работать, то есть гореть?

– Да конечно, дорогой, будет! – Петька соскочил со стула, хлопнул в ладоши. — Молодец! Ты настоящий руководитель!

На следующий же день Петька получил со склада проводку в нужном количестве, правда, тремя кусками, купил патронов под лампочки (деньги получил в кассе сельсовета) и три вечера подряд собирал проводку с патронами. Через каждые два метра нужно было вставить кусок проводки с патроном, тщательно заизолировать места соединения. Растянул по всему дому сперва одну пятидесятиметровую часть проводки, воткнул в розетку, проверил одной лампочкой исправность цепи, вкручивая

в каждый патрон, проверил также вторую. Все было нормально.

31 декабря утром привезли и лампочки, пятьдесят штук. Петр Иванович дал в помощники двух кочегаров, и три человека провозились полдня на стадионе. Часов в шесть Петька зашел к председателю в кабинет:

– Все готово.

Когда люди стали собираться в клубе, они увидели ярко освещенную часть стадиона. Некоторые, уже веселые, тут же открывали шампанское, громко смеялись, пробовали танцевать. Потом уходили в клуб. Появлялись другие. Люди веселились, кричали и тоже уходили в клуб. Все веселье происходило там, в клубе. Появились пацаны. Они стали расстреливать лампочки из рогаток. Петька их быстро разогнал. Стало тихо. Только из клуба доносилась музыка, веселый праздничный шум. Петька замерз. Он пошел по улице. Дошел до клуба. Веселье там было в самом разгаре. Петька остановился, посмотрел на стадион. Стадион горел. Пятьюдесятью лампочками, в конце темной улицы. Участок стадиона казался каким-то фантастическим, лампочки мелькали, своим ярким светом манили, звали. Петьке почему-то вспомнилась картина, когда ночью, на горящую лампочку слетаются мотыльки. «А чем люди от них отличаются, – подумал он, – все живое стремится к яркому, светлomu. И это нормально». Он пошел дальше, он шел домой, вспомнил, что с самого утра ничего не ел.

Утром, первого января, выпив чаю, он пошел в сторону стадиона. Соседка, кассирша сельсовета Поля, подметала от снега дорожку. Увидела Петьку, поздоровалась.

– Красиво было, Петя. На стадионе. Спасибо тебе.

– Да чего уж там, – махнул рукой Петька.

Когда он подошел к стадиону, его ждала печальная картина. Из его пятидесяти лампочек горело только семь, три

на одной стороне, четыре на другой. Остальные были все разбиты, вероятнее всего, расстреляны ребятишками из рогаток. На земле лежали разноцветные осколки от разбитых лампочек. Петька заранее их раскрасил акварельной краской. Он стоял и смотрел на лампочки, вернее, что от них осталось – на осколки, не двигался. Около стадиона остановилась машина, это была сельсоветовская. Вышел председатель, подошел, поздоровался. Ничего не говоря, стал осматривать. Потом подошел к Петьке:

– Говорил я, пацаны побьют. Пустая это затея. Так и есть.

Петька ничего не ответил, пригнулся, взял кусочек желтого стекла от лампочки. Замерзший кусок стекла стал подтаивать, пальцы Петьки окрасились в желтый цвет. Петька поднял глаза к проводам.

– На будущий год елку поставить надо, и зверей из снега сделать. И музыка чтобы была.

– Чего-о-о?!

– И провода повыше поднять, чтобы рогатками не достать было.

Председатель сельсовета резко мотнул головой, что-то хотел сказать, но только что-то зло промычал, сплюнул в сторону, и пошел к своей машине.

ЛУЧШИЙ ДРУГ

Никифор Корнеев стал начальником можно сказать, неожиданно.

Он работал на автобазе, водителем. Автобаза занималась грузоперевозками, имела около тридцати машин, правда, половина из них была старая, требующая ремонта или вообще замены. У Никифора машина была сравнительно новая, «Камаз» с прицепом, семи лет с года выезда с территории завода. Он сам пригнал новую машину, ездил в Набережные Челны, и все эти годы содержал ее в хорошем состоянии, ни разу не попадал в крупные аварии, числился среди лучших шоферов.

Автобаза была единственным транспортным предприятием в райцентре и играла приличную роль в его жизни. Зимой району нужен уголь, осенью нужно возить скот сельхозпредприятий на мясокомбинат, в город, а весной, как водится, тем же сельхозпредприятиям нужно сено. Да и остального всякого груза хватало, чтобы переместить: торгашам – привезти товар из города, кому-то, наоборот, в город домашний скarb, если переезжает, или дров детям, студентам. В общем, автобаза жила, работала. Каждое утро в конторе было полно народу: кто-то пришел машину просить, а кто-то, из своих шоферов узнать, привезли ли нужную запчасть, заказанную еще две недели назад.

Начальником автобазы был невысокого роста пожилой мужчина, Иван Степанович Горшенин, который работал на этой должности уже двенадцать лет. До обеда в кабинет его трудно было попасть. Тут и свои – бумаги подписать, тут и чужие – за машиной пришли, тут и главный механик

двух молодых водителей привел на ковер: прогуляли, не было их два дня на работе. В кабинете дым коромыслом, начальник сам курил, и другим не запрещал. Иван Степанович одновременно отчитывал провинившихся парней, подписывал какие-то документы, которые ему подсовывала бухгалтер, потом переключался на бабушку, которая никак не могла в своей речи дойти до момента, что ей нужно.

– Степаныч, дорогой, как он уехал, нет от него никаких хороших вестей. Устроился на работу, на завод, но и что? Поработал два месяца, Клавка жалуется...

– Марья Николаевна, говорите конкретнее, что вам нужно... Так, ребята, орлы-соколики. Надо было срочно за цементом ехать, а вас нет два дня. Что будем делать? Нет, это не вам, Марья Николаевна, а вы говорите.

– Да не будем мы больше, в гости ребята приезжали, вместе служили...

– Вот я и говорю, Степаныч, Клавка жалуется, они снимают квартиру, небольшую, уже задолжали два месяца...

– Какая квартира, Марья Николаевна, какая Клавка? Так, ребята, последний раз. Все, идите.

– Как – какая Клавка? Жена Павла! Ты что, забыл?

– Наталья Ивановна, – хозяин кабинета обращается уже к бухгалтеру, заканчивая расписываться, – у нас с зарплатой на это месяц как, хватает денег?

– Да, должно хватить, – отвечает женщина и, закрыв большую папку, выходит из кабинета.

– С первой-то он разошелся, помнишь? А Клавка его вторая жена. Дочь у них есть, двух лет, Танюша. Приезжала летом ко мне, с матерью, шустрая такая, в Пашку вся.

– Марья Николаевна, вы говорите коротко, что хотели?

– А чего я успела сказать? Я и не сказала ничего. Дай, Степаныч, сказать, выслушай. И когда я...

Но раздается звонок, Иван Степанович поднял трубку, ответил и тут же, прикрыв ее ладонью, сказал негромко: «Тихо, начальство звонит».

– Да, Семен Семенович, слушаю... Да так, ничего... Из соседнего района? Племенных жеребят... нужны две машины? Срочно? Что же делать, машин таких как раз нет, в рейсе. Хорошо, что-нибудь попробуем придумать. Я позвоню вам, Семен Семенович.

Положив трубку, он кричит секретарше в полуоткрытую дверь: «Татьяна, срочно ко мне механика, – и добавляет, о чем-то уже задумавшись, – придется Николаева с Сидоркиным с рейса снять, пока не уехали».

А Марья Николаевна вышла из кабинета только через полтора часа. Люди заходили и выходили, приходил механик, ушел, потом пришел снова, опять с двумя водителями, но уже другими. Она узнала, что им нужно ехать не туда, куда они собирались, нужно менять путевки, позвали диспетчера, появилась в помаде и красках молодая девица, нехотя выслушала, кивнула головой и пошла, провожаемая взглядами сидящих в кабинете. Потом появились какие-то незнакомые люди издали что-то покупать или продавать, она так и не поняла. Когда она вышла, голова у нее гудела, и тут за порогом, на улице, она вспомнила, что не сказала главного, зачем приходила. Повернулась было обратно, но передумала, махнула рукой – завтра приду.

А Иван Степанович курил сигарету за сигаретой, выслушивал, отвечал, давал поручения, ругался, хвалил. И так день за днем. Ездил на собрания, совещания, иногда уезжал в город, в командировку: искал запчасти, горюче-смазочные материалы. Просил, доставал, обеспечивал свое хозяйство, работников своих работой. И так двенадцать лет.

А когда стукнуло шестьдесят лет, получил от родного коллектива заслуженный самовар и больше на автобазе ни одного дня не появлялся.

И собрались шофера, остальные работники автобазы и стали решать, кто же будет у них начальником. И кто-то выкрикнул фамилию Никифора. Другой поддержал: «А что, правильно. Никифор – примерный водитель. Не курит, не пьет. Хороший семьянин. Не будет прогуливать, как Иван Степанович».

Все заулыбались. Водился грешок за бывшим начальником – мог на несколько дней «заболеть». Но потом появлялся, как ни в чем не бывало.

На голосование была внесена только одна кандидатура Корнеева Никифора, других предложений не поступило. Проголосовали единогласно.

Никифор решил, что если люди верят, так и должно быть. Передал машину, свой «Камаз» конечно, не без сожаления, своему соседу, Николаю Гребенкину.

И с этого дня началась у Никифора Корнеева совсем другая жизнь. В первую очередь жена повела его в магазин, выбрали костюм, галстук, пару рубашек. «Среди людей ходить надо будет», – рассуждала она. И он ходил. По кабинетам чистым и большим, где совещания проходили, сидел в приемных, ожидая своей очереди, когда вызывало начальство. В первый день он, конечно, удивил всех, когда появился в конторе в костюме, галстук. Но люди отнеслись с пониманием. Курить теперь в конторе запрещалось, в кабинет людей запускать было велено только по одному, и если кто-то там находится, кроме начальника, ломиться в кабинет запрещалось.

– Да мне только накладную подписать – верхонки получить, – рвался в кабинет слесарь Тимофей.

– Сказала – нет! – не пускала его Татьяна. – Там люди!

– Так они до обеда будут сидеть. А у меня машина на яме!

– Да хоть до вечера. Садись, жди. Ой, не садись на стул, у тебя спецовка грязная!

Некоторые, не дождавшись своей очереди, ругаясь, выходили из кабинета.

Вечерами, когда уже все расходились по домам, Никифор Сергеевич – теперь его звали так – пробовал разобраться с бумагами. Когда в рабочее время бухгалтер что-то объясняла, он не мог вникнуть: отвлекали то звонки, то посетители. Но и вечером ничего не было понятно, спросить не у кого было. Еще механик чуть ли не ежедневно приносил записи с необходимыми запчастями, количеством требуемого бензина, солярки, масла... Никифор Сергеевич отодвигал от себя, на край стола бумаги, обхватывал голову руками, сидел. Потом одевался и шел домой.

Прошло два месяца. Поначалу казалось, что все получается. Работа шла, машины бегали, всё, как раньше. Но то ли это по инерции шло, на старом наработанном, то ли еще что. Но потом пошли проблемы. Однажды не оказалось топлива на автобазе, ни бензина, ни солярки: вовремя не была сделана заявка, бензовозы приехали пустыми. Три дня все машины стояли на приколе. Потом начались проблемы с запчастями, тоже не сработали в свое время. Выезжал в командировку сам, но одно дело работать шофером: знаешь, где погрузить, что погрузить, все в путевке указано, а другое – организовать весь этот процесс. Ходишь там, в городе, то в один кабинет пошлют, то в другой, то это не так, то другое.

Участились прогулы среди водителей, появились случаи пьянства в гаражах. Механик приводил к начальнику раза два нарушителей, а что, они начальнику по имени: Никифор, Никифор – недавно же вместе под машиной ле-

жали, – похихикают и уйдут, ничего не может сказать сегодняшний начальник своим бывшим друзьям-шоферам. Механик и перестал водить. Раньше прогульщики хоть боялись, что на ковер к начальнику поведут, а теперь...

Стал чувствовать Никифор, что не клеится что-то с работой. Вроде бы раньше уважительно относились к нему, прислушивались к его мнению, а здесь, он понимал, что что-то другое надо. Стал плохо спать ночами, ворочался. Жена ругается: спать не даешь.

И как-то приехал к нему друг, Виталий Пургин. Он раньше жил здесь и работал в этой же автобазе, водителем. С Никифором он и ездил в рейсы. Подружились. Несколько лет назад он с семьей в город переехал, жена настояла. Детей выучить, то да сё. И изредка, раз в полгода, или чаще, приезжал Виталий к Никифору – порыбачить. Никифор ставил машину на прикол – «сломалась» – и они на пару дней уезжали на рыбалку, на озёра.

Подъехав к автобазе, Виталий поискал глазами машину Никифора, не нашел, пошел в гаражи. Их было два, Виталий зашел в первый. На яме стояла машина, двое слесарей ее ремонтировали. Один Виталию был незнаком, а другого, Олега, он знал.

- Олег, привет!
- О, Виталька, привет, ты откуда такой красивый?
- Да из города, в гости к вам. Как вы тут без меня?
- Да ничего, ты-то как, хороша жизнь-то городская?
- Да как сказать, по-разному. Что-то машину Корнеева не вижу, Никифора, не знаешь, он не в рейсе?
- Да нет, не в рейсе. В конторе он, иди в контору, там и найдешь.
- А что он там делает?
- Иди, иди, там и узнаешь.

Ничего не понимая, Виталий пошел в контору. В первом кабинете, справа, была диспетчерская. Уверенный,

что Никифор здесь, открыл дверь. За столом сидела Ольга.

– Ольга, привет!

– Здравствуй, Виталий, а ты каким ветром к нам?

– Да вот, погостить, на тебя посмотреть. Такая же красивая и яркая. Замуж-то не вышла?

Ольга рассмеялась: «Да вот, все выбираю».

– Понятно. Слушай, где-то здесь Никифор, говорят, Корнеев, не заходил?

– Почему, где-то? В кабинете.

– В каком кабинете?

Ольга удивленно посмотрела на него: «Начальника».

Виталий прошел в приемную. За столом сидела незнакомая девушка. Виталий поздоровался, спросил: «А Корнеев Никифор здесь?»

– Да, проходите.

Виталий уже что-то начал понимать, открыл дверь. В большом кабинете в глубине, за большим столом, напротив двери сидел солидный мужчина в темном костюме, в клетчатой рубашке, в галстук, тоже клетчатом. Он рассматривал бумаги, когда открылась дверь и кто-то вошел, оторвал взгляд от них, мельком глянул на посетителя: «Прходите». Потом посмотрел внимательнее, встал и улыбаясь виновато, пошел навстречу: «Виталий, привет!» Стал обниматься.

Виталий не мог вымолвить ни слова, плотно закрыл дверь, стал рассматривать друга.

– Да что ты меня рассматриваешь, проходи, садись, рассказывай.

Так же молча, Виталий прошел по кабинету, осматривал, подошел к столу, взял бумажку, посмотрел, положил на место, прошел к стульям, сел. Потом еще раз посмотрел на друга.

– Никифор, что ты здесь делаешь?

– Как что... вот, выбрали. Теперь я начальник.

Виталий медленно встал со стула, посмотрел в глаза Никифора Сергеевича и резко бросил: «Ты что, Никифор, с дуба свалился? Какой из тебя начальник?!»

Несколько мгновений друзья смотрели друг на друга.

Затем Никифор как-то изменился в лице, будто его обвинили в чем-то, сразу обмяк, присел на свое кресло и уставился в одну точку. Вот! Вот какой ответ он искал все эти последние дни. Перед ним возникало много вопросов, он искал, и не мог найти ответы. Жена твердила, что все будет нормально, приносила различные журналы, как руководить людьми, он день и ночь думал, как найти подход к людям, завоевать, как говорят, авторитет. Видимо, недостаточно того, чтобы ты не пил, не курил и тому подобное. Он искал ответ. И получил. Сегодня, сейчас. Его друг, который знает его и понимает лучше других, дал ему ответ в короткой и правдивой фразе: «Какой из тебя начальник!»

Через несколько дней снова собирался коллектив автобазы и выбирал начальника. Никифор Сергеевич Корнеев, не проработав и трех месяцев, освободил эту должность по собственному желанию. Действительно по собственному.

А осенью в первый раз в жизни напился Никифор на Дне шофера и кричал: «Суки! Специально меня поставили, чтобы вольно жить. Знали, что не смогу, но поставили! Гады!»

РАССКАЗЫ ДЕДА МИШИ

«Герасим»

Дед привел коня, приладил седло на него, подвел к пеньку, кряхтя, уселся в седло. Петька тоже забрался на пенек, дед ему помог тоже усесться на коня, за седлом, на заранее постеленную дедом старую фуфайку и они двинулись в сторону деревни. Вернее, двигался конь, чувствуя, что нужно домой – весело и размашисто, а те двое, на нем – сидели.

Солнце было еще высоко, но пока они добирались до деревни, начинало уже темнеть. По дороге Петька расспрашивал деда о чем-нибудь. Сейчас, например, когда дед, обшарив карманы, начал закуривать, Петька спросил:

– Дед, а почему люди курят?

– Да дураки, потому что.

– Значит, ты – дурак?

Дед засмеялся.

– Выходит, что да. Дурак, потому что начал курить еще в школе, не хотел отставать от своих пацанов – одноклассников. Они в туалете курят, и ты вместе с ними, нет, чтобы отказаться. Но мать меня ремнем отстегала, отучила на время. Но пошел работать на стройку, после школы – там сплошные перекуры. Мужики взрослые протягивают сигарету – кури, мол, ты уже взрослый. Тоже начал втягиваться. А как в армию пошел, начал капитально курить. Матери-то рядом нет. В начале службы в роте – а рота это около ста человек – некурящих было процентов

семьдесят, то есть семьдесят человек не курили, а когда на дембель пошли, то есть когда служба закончилась через два года, некурящих было всего два человека. Так что дед твой не просто дурак, а трижды дурак.

– А если бросить?

– Да бросал я. Несколько раз. Но потом снова закуривал.

Они некоторое время молчали. Лошадь дошла до реки и дорога пошла вдоль нее. Петька смотрел на реку. Она была глубокая, быстрая; вода, разбиваясь о большие камни, далеко разбрасывала брызги.

– Дед, а лошадь в этой реке может утонуть?

– Нет, лошади эта река нипочем, только она в эти камни не полезет – перебредет или переплывет в другом месте, где спокойнее.

– А собака может утонуть?

– Собака? Но если бросить – может, думаю. О камни ударится – здесь камней много, да и течение реки сильное.

– А кто ее бросит-то? Ты бы мог?

Но дед не ответил, молча ехал, пыхтя своей сигаретой.

– Дед, чего замолчал? Расскажи чего-нибудь.

– Ну, слушай. Был у меня в жизни такой случай. Как раз об этом и думал. Ты спросил, мог ли я собаку в речку бросить. Наверное, мог. Вернее – хотел.

Дед притушил окурок сигареты об свой сапог, выбросил на дорогу, ненадолго замолчал. Потом продолжил:

– Было мне тогда лет тридцать. Живем мы, значит, я уже женатый. Ну, а в деревне обычная жизнь: коровы, куры. Со всем этим хозяйством супруга моя, твоя бабушка, которая померла три года назад, управлялась. Дочке нашей, то есть матери твоей, было года два-три. И вот была у нас собака, сучка Найда. Уж не знаю, как она нам досталась, но только запомнилось то, что она каждый год

щенят приносила. Мы первое время как-то их раздавали: знакомым, друзьям. Но потом, когда все знакомые наши и даже не очень знакомые были обеспечены щенками или выросшими собаками, мы не знали что с ними делать. Сосед Васька, всегда пребывающий под хмельком, услышав очередное ворчание моей жены по поводу вновь появившихся щенят, заходил и равнодушно топил щенков в бочке с водой. Я в это время уходил куда-нибудь.

Но Найда через некоторое время снова приводила своих ухажеров. Они всю ночь лаяли, дрались, не давали нам спать. Что я только не делал. На цепь ее привязывал, но что толку, кобелям перемахнуть через забор ничего не стоит. В стойло коровье закрывал, так она нору выроет за ночь и убежит, а потом через некоторое время опять брюхатая. Жена пилит день и ночь. Стал соображать, что делать.

– А вы всех щенков ее топи... отбирали, раздавали? Ни одного не оставляли?

– Нет, не оставляли, нам одной Найды по горло хватало. И вот думаю, что же делать. Думал, думал и решил я ее утопить. «Муму» помнишь, вы изучали в школе его, рассказ такой?

– Конечно, там Герасим свою собаку утопил.

– Вот-вот, и я также решил. Во дворе у нас лежал большой камень, килограммов на пятнадцать, его вытащили, когда яму под туалет копали. Я привязал к нему веревку. У меня тогда был мотоцикл, «ИЖ-Планета» с коляской. Положил я этот камень в коляску мотоцикла. Думаю, вечером повезу топить Найду. Темные дела размышляю, надо делать тоже когда темно. Я уже знал, куда поеду. В это время Найда вертелась около меня. Я ее приучил ездить в коляске. Так она знает, как я начну с мотоциклом возиться, собираться куда-то ехать, она может запрыгнуть в коляску и сидеть там спокойно. И на этот раз, то запрью-

гнет в коляску, то выпрыгнет, поняв, что сейчас я никуда не еду. Я на нее посматриваю, и жена тоже поняла, сморщит на Найду. Жалко все-таки, своя.

Когда стемнело, я оделся, вышел на улицу, открыл ворота. Думаю, Найду привяжу к веревке сейчас, чтобы там, на месте не возиться. Позвал ее. Но Найды не было. Я прошел по двору. Вышел на улицу, крикнул сильнее. Но ее не было. Я еще постоял, подождал. Не дождавшись, пошел домой. Через некоторое время снова вышел, позвал Найду громко. Никого. Ладно, думаю, встану пораньше, убежала куда-то, наверное.

Утром оделся, вышел – Найды снова нет. Но такого никогда не было. Даже во время своих собачьих свадеб она хоть под утро, но появлялась виноватая, а здесь... странно. Ладно, думаю, появится, куда денется. Но вдруг следом откуда-то мысль: «Нет, не появится». И точно, вечером, придя домой с работы, я ее не увидел. Она всегда встречала меня с работы. Супруга ничего не сказала. А я даже не спрашивал, появлялась ли Найда. Молча поужинал, вышел на улицу и выкатил камень из коляски. И этот камень так и лежал у нас во дворе, пока мы не переехали. А Найда так и не появилась.

– Совсем? А как ты думаешь, куда она делась?

– Я много думал об этом. Многое можно предположить. Попала под машину, например? Но тогда мы бы все равно узнали, Найду все соседи знают. Отравилась? Но помирать бы все равно домой пришла. Она травилась как-то. Так еле-еле притащилась, неделю болела. Жена молоком отпаивала. Подохла бы в другом месте, все равно кто-нибудь бы увидел. Кто-то украл белковатъ? Но это не «лайка», сразу видно, кому дворняжка нужна. Да и не дастся она кому чужому в руки. Многое передумал. Я вспоминаю тот день. Только потом я начал понимать, как себя вела Найда. Не как всегда. И выпрыгнула она из

коляски не потому, что поняла, что я никуда не поеду, не потому...

– А почему?

– Она все поняла. Все. И ушла от нас.

– И больше никогда-никогда не появлялась?

– Никогда. Я знал, что она не вернется. Но ждал. Дал себе слово, что если вернется, пальцем не трону. Пусть приносит щенков каждый год, пусть собак водит, пусть... Не пришла...

Они доехали. Дед пошел в сторону речки, к поляне, привязывать коня.

Потом они пили чай. И легли спать. Петька долго ворочался, не мог уснуть.

– Что, Петька, не спится?

– Нет. Дед, а как ты думаешь, Найда сейчас жива?

– Нет, конечно. Ей бы сейчас было... думаю, лет сорок-пятьдесят. Так долго собаки не живут.

– А сколько они живут?

– Ну, лет десять – пятнадцать. Не больше.

– А как ты думаешь, потом щенки у ней были?

– Не знаю, если жива была, наверное, были.

– А у меня дети будут?

Дед рассмеялся: «Но это уже от тебя самого зависит. А ты бы хотел?».

– Хотел бы. А ты детей хотел?

– Но как не хотеть? Конечно. Это самое главное. Вон, у меня их трое: дочь – мама твоя и еще двое сыновей. Как бы ни было, это самая большая радость, если у тебя дети.

Они помолчали. Потом Петька сказал тихо:

– И она детей хотела.

– Что, не понял?

– Найда. Она хотела детей. И каждый год их приносила. А их у нее отбирали. Раздавали. Топили. Она снова приносила. Снова отбирали. А она хотела, чтобы дети ря-

дом с ней росли. И она убежала. Туда, где бы детей у нее не отбирали.

Дед ничего не ответил. Встал, подошел к печке, взял чайник, налил чаю в чашку. Пил тоже молча, о чем-то думал. Допил чай, подошел к Петьке, поправил одеяло, погладил по голове: «Спи».

Ангел-хранитель

Просыпался дед рано, растапливал печку, ставил чайник на плиту, уходил за конем. Напоив его, он возвращался, будил Петьку. Тот никак не мог проснуться, встать не хотел и глубже лез под одеяло. Дед откидывал одеяло, приговаривая: «Вставай, хулиган, вставай, жулик», начинал своими холодными и шершавыми руками растирать Петькино тело, тот недовольно что-то бурчал, соскакивал с кровати. Делать нечего, приходилось идти к рукомойнику, умываться, одеваться. Потом они завтракали, снова садились на коня и ехали на покос. Солнце уже немного пригревало, появившись из-за гор, отгоняя утреннюю прохладу; Петька прижимался к деду, обхватывал его руками, засыпал. Просыпался, только когда они уже подъезжали к покосу.

Дед отбивал литовку и начинал косить. Движения его были неторопливыми, трава аккуратно ложилась с левой стороны прокоса, дед иногда останавливался, вытаскивал из голенища сапога брусок, точил косу. Петьке нравилось смотреть, как дед работает, а когда он усаживался отдохнуть под тенью, под лиственницей, Петька брал его литовку, пробовал косить.

– Учись, учись. Ручкой приподымай носок литовки повыше – видишь, она в землю втыкается, да чуть прижимай, чтобы литовка поверху травы не скользила. Да не размахивай сильно, здесь сноровка нужна больше, чем сила.

Петька измучался, у него ничего не получалось, устав бороться с тяжелой литовкой, бросал ее на землю и подсаживался к деду, под дерево.

– Литовку где попало не надо бросать. Ты же взял ее здесь, около меня. Она должна быть всегда на виду. Пошел чай пить, повесил на дерево, или взял с собой. А так будет валяться в траве, пойдет какая-нибудь животина или даже человек, не заметит – порезаться может.

– Тяжелая она у тебя, коса. Или литовка. Почему ты ее по-разному называешь?

– Ну, коса, от слова косить, надо полагать. А литовка... даже не знаю. Это ты должен знать.

– Нет, я не встречал такого слова – «литовка». А коса у девочек бывает.

– Да, время. И слова забываются, но самое главное – труд забывается. Сейчас кроме твоего деда косой и не косит сено никто, как видишь. Все с косилками. День на косьбу, день на то, чтобы собрать. Вот и весь покос. А раньше, при колхозе целое лето на покосе. Сперва нужно колхозный план по заготовке сена сделать, только потом идешь на свой покос. Под каждым кустом скашиваешь, покосов не хватало. А теперь вот такие неудобные места и не косит никто. По полянам пробегутся с косилками и хорош. Едешь осенью, видишь нескошенные участки и скверно становится.

– А почему люди не косят?

– Да коров-то уже мало держат. Молодежь-то ленивая пошла. Сейчас по одной, по две коровы держат, не больше, не то, что раньше. Да и то доить ленятся. А что, молоко в магазине разных сортов – покупай да пей. А за коровой ухаживать надо. Рано вставать, доить, отгонять на пастбище, за телятами смотреть. Вот и вырастают лентяи, вроде тебя. Рано вставать не хотят, работать не хотят. Так, нет, Петька?

Дед потрепал Петьку за волосы, улыбнулся.

– Дед, а научиться косить тяжело?

– Да нет. Давай я тебе на будущий год литовку сделаю. На складе видел недавно литовки, маленьких номеров: семерки, восьмерки. Попросили перетаскать что там было в другой склад – этот сгнил совсем, так я там под ящиками эти литовки и увидел. Кладовщица удивилась, говорит, видимо, еще с советских времен осталось, хотела выбросить. Но я все же сложил там, в уголок. Может, еще лежат, если кто-нибудь на металлолом не забрал. Сейчас ведь все железное на металлолом собирают, сдают. Тебе нужна восьмерка. А у меня девятка, для тебя большевата, на ней тебе трудно научиться косить.

– А что такое «восьмерка», «девятка»?

– Ну, это длина косы, восемьдесят сантиметров, девяносто.

– А ты когда научился косить?

– Я пробовал косить уже во втором классе. Тогда летом все ребяташки работали в бригадах по заготовке сена. Начинал так же, как ты. Поначалу ничего не получалось. Но нужно время. И терпение. И все получится. И у тебя получится. Давай, ты иди разжигай огонь, кипяти чай, а я еще покошу. Чай вскипит, крикни.

Петька побежал к стану. Дед его уже научил и огонь разжигать, и чай кипятить. Наломав сухих веточек ели, сложил в кучку, сверху наложил сучьев более крупных, нашел спички в кармашке рюкзака, чиркнул, поднес огонь к еловым веткам. Сухие тоненькие ветки ели, обросшие мягким мохом, весело загорались, пламя огня становилось больше, поджигая верхние сучья. Петька, вытащив их мешка котелок, бежал к речке, набирал воды, принесил, подвешивал к жердинке над костром. Подкинув еще сучьев, Петька бежал к смородиновым кустам, обрывал несколько листьев. Этому тоже дед научил. Какие листья рвать, сколько засыпать в котелок, сколько кипятить. По-

лучался очень вкусный чай. В нужное время он подал сигнал деду.

Подходил дед. Скидывал с себя пропитанную потом рубашку, шел к воде – мыться. Пока он по пояс мылся в реке, Петька из рюкзака вытаскивал лепешки, вареное мясо, нарезал кусочками.

– Молодец, видишь, какой ты у меня помощник хороший.

Дед обтирал руками еще мокрое тело: шею, руки, живот. Петька, довольный, что к чаепитию все готово, стоял, смотрел на деда.

– Дед, а что у тебя на животе? Полоски эти.

– Это шрамы. А маленькие, поперек больших, это швы. Когда тело разрезается, его нужно снова соединить, чтобы снова срослось. И стягивается нитками. Просто пришивается, грубо говоря.

– Как, людей можно шить нитками? С иголками?

– Ну, не совсем такими нитками и иголками, какими мама твоя шьет. Но похожими. Своими, медицинскими.

– А что случилось, дед?

– Давай чай пить. Потом, как-нибудь время будет, расскажу.

После обеда дед немного поспал, потом снова пошел косить. Петька все не мог найти время, чтобы узнать эту историю со шрамами, дед все время был занят. Потом решил дожидаться вечера. Когда будут возвращаться на лошади, тогда и спросит.

Когда на сегодняшний день работа была закончена, Петька как никогда активно помогал деду собираться. То за конем сбегает, то уздечку подаст, то начнет котелок в мешок складывать и бежит прятать под кусты.

И вот они едут домой.

– Дед, рассказывай.

– Что рассказывать?

– Про шрамы свои. Ты обещал.

Дед докурил, немного подумал.

– Ладно, слушай. Мне было, сейчас посчитаю... тридцать пять. У меня машина была, «Нива». Зима, декабрь месяц. Я и двое приятелей в город ехали. Я за рулем. Перед дорогой плотно поели, конечно. Едем. На полпути есть большая деревня, Сосновка. Дорога идет через деревню. Проехал село, навстречу машина. Уже темно, фары только видны. И вдруг вижу, она сворачивает в левую сторону. От нас в правую получается. А поворотник не включил. Я по тормозам, а зима – на дороге снег. А скорости приличные, думаю, семьдесят – восемьдесят было. И моя машина врезалась в эту машину.

– Сильно?

– Слушай. Я, как мог, крутанул руль вправо, потому что у меня пассажир справа, и удар пришелся на мою, левую сторону «Нивы». Была эта встречная машина, оказывается – я об этом узнал уже потом – «ЗИЛ-157». И бампер этого грузовика пришелся как раз по мне. Как потом говорили после замера милиционеры, моя машина отлетела от места удара на семнадцать метров. Машину смяло, левый край моего сиденья оказался у левого края сиденья пассажира. Вот и представляй, какой был удар, сильный или нет.

– А дальше?

– Ну а что дальше. Сознание я не потерял, только все как в тумане. Оказывается, машина перевернулась несколько раз, пока летела, и оказалась на крыше, вверх ногами, колесами то есть. Меня вытаскивают, ничего не соображаю, хочу на ноги встать, но ору и падаю на снег. Кости были переломаны, тоже позже узнал. Лежу, сознание все еще при себе. Все плывет: снег, люди, небо. Голова разбита, все лицо в крови, хочу вытереть руками, не могу. Лежу. И внутри себя, в районе груди, чувствую,

как будто ручеек небольшой бежит и вроде даже журчит как. Ну, думаю, конец. Наверно, что-то там порвалось, и кровь вытекает. Сознание то терялось, то вновь появлялось. Вдруг появилась какая-то тишина, и шум людей куда-то стал растворяться, и самому непонятно, где я, что я. Меня стало обволакивать чем-то, и как будто мне кто-то говорит: «Да, положение серьезное, очень серьезное. Будет трудно, будет тяжело, но все будет хорошо. В конце концов все будет хорошо... все будет хорошо...». И такое ощущение, что меня чем-то накачивают. Когда качают камеру колеса, видишь, что камера увеличивается, оно наполняется воздухом. И здесь также. Как будто ты чем-то наполняешься. Уверенностью, что ли, надеждой. Потом снова я услышал крики людей, они меня поднимали, везли. В больницу. До сих пор с улыбкой вспоминаю: я при смерти, а меня спрашивают, как фамилия и так далее. На каталке провезли в операционную, попросили лечь. А я не могу. Как начинаю ложиться, боль адская. Хирургу говорю, что не могу. Он ничего не говорит, на меня просящее смотрит. Я понял. Собрался со всеми своими силами и лег на спину. Заорал. И потерял сознание.

– Потом?

– Я очнулся только утром, после операции. Она шла четыре с половиной часа. Ребята, которые со мной были в машине, потом рассказывали. Дверь в операционную была со стеклянной вставкой, стекло было покрашено краской белой. И видимо, еще до них соскоблили краску ногтями или еще чем, чтобы можно было смотреть. Смотрим, говорят, в эту небольшую дырочку по очереди, тебя положили, распороли живот, как у барана, кишки на столе, кровь течет на пол... Все, думаем, хана тебе.

– И что?

– Утром плохо, но начал соображать. Все болит. Говорю кое-как. Супруга уже рядом, позвонили ночью, она приехала. Зашли те двое друзей, с которыми я ехал.

– А они-то как, нормально было?

– Слава богу. Что удивительно, ничего серьезного. Ушибы, царапины. И все. Машина летела по снегу, кувыркалась, а снег глубокий – это и смягчило удары. Пассажиров просто пошвыряло по машине. А все повреждения на мне – от удара грузовиком.

– Наверно, в больнице долго лежали?

Дед снова закурил, сделал несколько затяжек.

– Нет, недолго. Выгнали меня.

– Как выгнали?!

– Меня оперировали три врача – два хирурга: один молодой, другой постарше и анестезиолог. Тот, что постарше – Николай Иванович меня оперировал, другой помогал ему. Николай Иванович меня и лечил после операции. После больницы, когда уже выписался, я постоянно заезжал к нему. Как-то засиделись мы с ним до утра. Водку пили. Его супруга потом говорила, что никогда не видела, чтобы муж так спиртное пил. И вот что со мной было, по его рассказу. Голова в нескольких местах была проломлена, наложили швы. Седалищная кость была сломана в нескольких местах. Это чтобы тебе было понятно – плоская кость внизу живота, куда упираются ноги. Гипсовать бесполезно, нужно лежать. Только на спине. Но это все ерунда, как он сказал. Вот вы же учили в школе строение человека, маленько разбираешься в человеческих внутренних органах?

– Да, проходили.

– Ну вот, слушай. Живот человека разделен на две части. В одной желудок, кишки, прочее. Чуть повыше, в другой части сердце, легкие. Эти две части разделяются мясной жилистой тканью, не помню, как называется. Так

вот, во время аварии при ударе желудок, полный пищи – перед поездкой я хорошо поел – ударился об эту перегородку, сделал в нем дырку в семь сантиметров, скомкал одно легкое, пошел дальше, повредил сердечную сумку и затолкал сердце где-то под горло. Но самое интересное, что удивило хирурга, желудок не проскочил через эту перегородку, он застрял в этой открытой ране. Иначе бы я сразу умер, не смог бы дышать. Как он объяснил, если бы образовалось отверстие, при дыхании воздух уходил бы и в ту часть живота, где кишки, сыграл бы принцип, когда накачиваешь камеру насосом без золотника: камеру не накачаешь. Может быть, я не очень грамотно объясняю, но на мое счастье желудок, пробив дырку в перегородке, наломал столько дров, застрял в ране. Если бы он проскочил, я бы умер, не смог дышать. Крови я тоже много потерял. У среднего человека, как у меня, пять литров крови. Если он теряет половину этого количества, он умирает. Я потерял три.

– И не умер?

– Как видишь. В двух местах меня пришлось резать, весь живот распорол, и с левой стороны, где сердце, уж что они там делали, не знаю. Сердце на место ставили, наверно. Все, операция прошла, сидим, говорит хирург, с коллегами, обсуждаем. После каждой сложной операции, говорит... Ну, вот, мы уже и приехали, за моей болтовней не заметили как дорогу-то осилили.

– А потом доскажешь?

– Придется, от тебя разве отвяжешься.

– Дед, давай я коня напою и привяжу. Я умею.

– Давай.

Петька все старался делать быстро, с конем сходил на речку, привязал его за куст, на поляне, как учил дед, занес дров в дом.

Когда они ложились, было уже темно.

- Рассказывай, дед.
- Ладно, так на чем я остановился?
- Врачи операцию сделали, сидят, беседуют.
- Да, после каждой операции у них типа обмена мнениями, как Николай Иванович сказал. Когда сложные операции, каждый свое мнение говорит, типа «выживет, не выживет». Так вот эта операция, на мне, как раз из этой серии. Даже не то что из этой серии, круче: таких повреждений, такой сложной операции у него не было, говорит он. Сидят, обсуждают. Мнение всех троих было – что я не выживу. До утра, или несколько дней проживу, не больше. Но я выжил. Я говорил тебе, что был наполнен, заряжен чем-то, я не могу объяснить. Но была какая-то уверенность, что я выживу и эта уверенность не покидала меня все это время. Несколько дней у меня стояла высокая температура; Николай Иванович, вижу, где-то дней через десять волнуется, говорит, что надо в город ехать, если температура не спадет. А как везти, сломанные кости растрясет. Я говорю: что вы волнуетесь, мол, завтра температура спадет, никуда не надо ехать. И удивительно, именно на другое утро температура спала. А это говорил, казалось, не я, а то, чем был я заряжен. И эта фраза, «все будет хорошо» была со мной все эти дни.
- А кто это тебе сказал, бог?
- Ты и про бога знаешь?
- Знаю, учат же. А ты в бога веришь? Он есть?
- Бог ли это был, есть ли он? Не знаю. Говорят, у каждого человека Ангел-хранитель есть, когда трудно, он приходит, помогает. Может, это был Ангел-хранитель.
- А у меня он есть?
- Должен быть. У каждого должен быть. Человек не всемогущий. Бывают ситуации, когда ему нужна чья-то помощь. И он мысленно обращается за помощью. Пусть это будет бог, пусть Ангел-хранитель, пусть по-другому

будет называться, но мы должны понимать, что не все нам подвластно. Кто-то читает молитвы, обращаясь к богу, кто-то обращается к духам, а кто-то просто мысленно просит помощь.

– А ты его видел, своего Ангела-хранителя?

– Нет, не видел. Ангел ли хранитель это, не знаю. Вот у меня бывает так. Мне нужно принять какое-нибудь решение. До вечера хожу, не знаю, что делать: так сделать, или по-другому. А потом засыпаю. А утром просыпаюсь, ответ готов: нужно делать так-то. Без всяких сомнений. Проходит время, и оказывается – это было правильным вариантом решения. Вот кто мне мог ночью подсказать, что нужно делать так, а не иначе?

– Ангел-хранитель!

– Пусть, Петька, будет так. Ангел-хранитель, так Ангел-хранитель. А теперь спать.

– Деда, а почему тебя выгнали?

– Откуда выгнали?

– Из больницы, ты же сам сказал.

Дед громко засмеялся: «Не совсем, конечно, так. Но на сегодня все. Спать. Завтра будем вспоминать, что там было. Спи».

На другой день Петька кое-как дождался вечера, ему не терпелось узнать, что там было дальше. Когда они вернулись с покоса, он быстро помог деду завершить все вечерние дела. И вот они ложатся спать. Петьке не терпится:

– Итак, дед, тебя выгнали из больницы...

– А? Что? А-а, из больницы. Что же там было-то? Ага. Значит, лежу я, только на спине, весь в трубках, бинтах, день и ночь под капельницей, кормят через трубочку, уколов приносят целую тарелку за раз. И боль. Постоянная боль. И что интересно, она усиливалась ночью. Как двенадцать часов ночи наступает, у меня уже сердце болит,

знаю что боль усилится. А в шесть утра, отпускает. Вот такой график. Удивительно. Сперва обезболивающие уколы помогали, потом перестали помогать. Еще температура не спадает. В общем, тяжело было. И вот мне помогал вот этот помощник, или как мы его назвали – Ангел-хранитель. Как появятся у меня в голове нехорошие мысли, он их отгоняет. А положение действительно было очень серьезным. В то время у меня было небольшое хозяйство, коров выращивали. Так вот бухгалтер приехала, я ей диктую, куда какие деньги перегнать, она пишет, а на тетрадь из ее глаз слезы капаяют. Мало кто верил, что выкарабкаюсь. Но я верил, и заставлял в это верить мой Ангел-хранитель. Я был просто заряжен, что все будет нормально, что «все будет хорошо». Так, дальше... а, «прогнози» из больницы... Николай Иванович мне составил план. План выздоровления, скажу так. После первого месяца потихоньку вставать на кровати, вернее, садиться, поднимать верхнюю часть тела. На втором месяце пробовать на ноги вставать, и если все будет нормально, через три месяца можно на выписку. Меня такой план не устраивал. С первых же дней я стал делать гимнастику руками – они у меня были целы. Когда через неделю сняли швы на животе, попросил принести веревку и перекинув через душку кровати, пробовал подымать тело, держась за веревку. Все это делал ночью. Недели через три пробовал садиться на кровати. Попросил, чтобы принесли костыли. Пробовал на них вставать. Заходит Николай Иванович (у него был каждодневный обход больных, а нас в палате было четверо больных), спрашивает: «А что здесь костыли делают?» Я говорю, костылей говорят, мало в больнице, попросил, вдруг потом не будет. Ночами я стал ходить. Первые пять шагов сделал и как будто десять километров пробежал. Конечно, рядом меня страховали. Но кто-то из больных заложил. Как без этого в нашей стране. Лежу как-то

утром, забегает Николай Иванович. До обхода еще далеко, я удивился. Начал на меня ругаться, говорит, что это за безобразие, почему встаешь на ноги, кости еще не срослись, почему меня не слушаешь и все в этом духе. Я лежу, молчу. Он выпустил пар, немного успокоился. И вдруг неожиданно говорит: «А ну, покажи, как ходишь». Я удивился. Приподнялся, взял костыли, прошел до окна, вернулся. Лег на кровать, смотрю на него. В палате тишина. И Николай Иванович ничего не сказал. Встал и быстро вышел из палаты. Потом, уже когда я был у него в гостях, проездом, когда всю ночь сидели и выпивали, он сказал, что в тот день, когда увидел, как я пошел, он закрылся в своем кабинете и плакал. Человек, который должен был умереть в первую же ночь после операции, встал на ноги через три недели... В общем, выписали меня ровно через месяц, как я попал в больницу.

Приехали мои родственники, мы накупили подарков, проехали по домам всех врачей, медсестер, которые меня лечили, спасибо сказали. Заехали к Николаю Ивановичу, а он уже наготовил всего, стол накрыл, ждет нас. Сели за стол, он наливает водки, и мне тоже стопку пододвигает. Я говорю, так вы же мне утром говорили при выписке, что спиртное пить нельзя. Мало ли, что мы говорим, говорит Николай Иванович, извини, но мы после операции говорили, что тебе жить несколько часов, а ты живешь, я говорил, говорит, что тебе три месяца лежать до выписки, а ты уже через месяц, «за нарушение режима» выписываешься. Побольше бы таких нарушителей режима среди наших пациентов, говорит, а это – кивнул на мою стопку – тебе никак не повредит. И выпил свою стопку до дна. То же самое сделал и я. И до сих пор благодарен этой больнице, врачам, Николаю Ивановичу. И конечно, как мы договорились, благодарен моему Ангелу – хранителю. Если бы не он – мне не подняться. Кто-то дол-

жен быть у каждого, кто ему поможет в трудную минуту, очень трудную. Заставит, убедит поверить, что эти трудности будут преодолены. Я думаю, он есть у каждого. И у тебя он есть, твой Ангел – хранитель.

Ёлкапалка

Уже несколько дней Петька с дедом ездили на покос. Пока только косили, вернее, косил дед. Не сказать, что от Петьки толку не было. То чай вскипятит, то деду воды принесет попить, то развлекает его разговорами. Неторопливо, прокос за прокосом, поляна за поляной, работа продвигалась. Покос был километрах в десяти от деревни, людей можно было встретить редко, иногда проскочат на мотоциклах такие же покосники, или на машинах сильно скорые сено провезут, уже заготовленное. Одни тормознут, перекинутся с дедом несколькими фразами и дальше едут, другие не станут останавливаться, просто посигналят и проедут.

Но сегодня появился гость. Это был старик небольшого роста. Примерно такого же возраста, как и дед. С морщинистым лицом, веселыми бегающими глазами, с жиденькой бородачкой. Он подошел, когда Петька с дедом собирались обедать.

– Но и жара, елки-палки. Как в такой день косите? Привет, Миша!

– Привет, привет, Елкапалка. А ты куда двинулся?

– Да вот, – вытер старик пот со лба, – корова ушла, с теленком. Третий день ищу, елки-палки.

– Коров в эти дни мы не видали. Лошади были. Четыре, вчера проходили. По-моему, Семеныча.

– Да кого не спрошу, никто не видел. Куда подевалась, зараза. Елки-палки, вечером в тот день поздно пришел, не успел телка загнать. Видимо, в тот же вечер забрала теленка и – подальше от дому.

– Да, тяжело конечно, одному-то. А че детям не отдашь, тебе-то молоко теперь ни к чему. Вот мы с Петькой корову в тайгу отдали, молоко пьем магазинское.

– А сено все равно косишь, елки-палки. Корову-то все равно будешь держать. Мы с тобой с детства приучены, нас теперь только могила отучит. Корова – хоть какое-то занятие, а то чего делать, водку пить, елки-палки? Так за нас ее вон, молодежь, неплохо попивает.

– Но у тебя хоть какое-то занятие, соперники-то есть?

– В район езжу, здесь нет. Молодым сейчас ничего не надо. Начинаешь учить, они в свой телефон уткнутся и тебя даже не слушают. И куда все это катится, елки-палки? Вот ты, Петька, скажи: вас, кроме телефона что-нибудь интересует, елки-палки? Занимаешься ли спортом, например?

– В футбол играю.

– Вот это хорошо. А телефон у тебя где?

– Дома. Сломался он.

– Вот. А был бы целый, играл бы ты с ним целыми днями, елки-палки. И деду бы не помогал. Кстати, а интересно тебе с дедом ходить, на лошади трястись?

– Да ничего. А дед мне разные истории про свою жизнь рассказывает, тоже нравится.

– Молодец, елки-палки. А вот скажи, кого из шахматистов знаешь?

– Из шахматистов? Не помню... не знаю.

– Плохо, очень плохо. А в шахматы умеешь играть?

– Нет, не умею. Вернее, знаю, как играют, но не увлекаюсь.

– Тогда скажи мне, елки-палки, самых богатых в нашей стране.

– Олигархов? Абрамович, например, у него клуб футбольный, «Челси». Сечин. Миллер. Греф...

– Хорошо, хорошо. А кем ты стать хочешь?

– Не знаю пока. Может, по линии МЧС.

– Вот, Миша, тебе наглядный пример. Пример обнищания духом нашего общества, елки-палки. Молодежь не знает шахматистов, но знает богачей. Они сегодня кумиры у них, хотят быть похожими на них, вырастут, хотят в ряды силовиков, полицейских и прокуроров, елки-палки. И куда такое общество приплывет? Где человек труда? Доярки, сталевары, косари, Мишка, елки-палки, где?

Дед подал в кружке чай старику: «Попей чаю, не кипятись».

– Как не возмущаться, Миш. Мы с тобой в сенокосную пору спали летом в шалаше, все вокруг скашивалось, техники сколько было, табуны лошадей, коровы стадами... А теперь? Где это все, елки-палки? Молоко в магазине, которое вы пьете – это разве молоко? Краска! Ты скажи мне, Миша, дальше-то что? Молодежь не умеет работать, потому что негде, елки-палки! Пьянство! Телевизор включи. Богачи, менты и прочая шваль! Как мы молодежь воспитываем, елки-палки!

– Ну, кто хочет, всегда найдет работу. Вон, сам видишь, поднялись же некоторые, живут нормально.

– Кто поднялся? Кто понаглее, заграбастал колхозное и на этом нажился, елки-палки?!

– Ну и что ты хочешь? Что нужно делать-то? Орать-то мы все мастера.

– Делать, Миша, много не надо, елки-палки. Во-первых, прекратить в стране водку продавать. Совсем. Или продавать в отдельных магазинах, как в Узбекистане. У нас водка как национальное достояние. В магазин зайди, на самом видном месте, в красивых обертках, елки-палки. Потом нужно закрыть все передачи, что по телику гоняют, елки-палки. Поменять там всех работников, пусть нормальные программы придумывают, чтобы молодежь воспитывалась правильно. Дальше – школа. Вот Илюмжи-

нов в Калмыкии правильно начинал. Ввел обязательные уроки шахмат в школах. Я считаю, что шахматы это все. Человек, играющий в шахматы, развивает свой ум. Научить человека играть в шахматы – это значит, научить его думать, размышлять, научить его жить, в конце концов. Дальше, после школы, он уже готов к жизни. Хоть учиться иди, хоть свое дело открывай, елки-палки. Так и по всей стране надо было сделать. И росло бы молодое поколение самостоятельным, умным, думающим, елки-палки. Но видимо, такое общество нам не нужно. Издавна у нас водится: мы ходим по одной линейке, горланим одну и ту же песню и молимся на одного царя, елки-палки. Ходу идее Илюмжинова не дали, я думаю. Вызвали, сказали: прекращай, парень, занимайся своими шахматными делами там, за границей, а не в России, елки-палки.

– Ты корову сегодня будешь искать?

– Да, заболтался я с вами, елки-палки. Пойду, спасибо за чай.

– Давай, удачи тебе в поисках коровы.

– Спасибо, елки-палки. Миша, сколько дней косил-то? Дня три-четыре?

– Да пятый день уже кошу.

– А помнишь, мы с тобой в седьмом классе норму взрослого скашивали? Два вечера покосил – и корове на зиму хватит, елки-палки.

– Время, Елкапалка, что сделаешь. Сюда бы меня, тогдашнего – пару дней, и покос бы закончил. Теперь мы с тобой – все, труха.

– Да-а. Ладно, бывайте. Петька, в шахматы играй. Научишься, сыграем, елки-палки.

Гость ушел, дед молча допивал чай и смотрел ему вслед. А вечером рассказал про гостя:

– Спрашиваешь, почему его так зовут? Но ты же видишь, он через слово «елки-палки» да «елки-палки».

Даже не знаю, откуда у него это. Мне кажется, он всю жизнь так говорит. Вот и прилипло это прозвище – «Елкапалка» еще в детстве. А потом и именем стало. А зовут его... вот видишь, забыл... сейчас вспомню... Степан! Да, Степан. Но по имени его никто не зовет. Росли мы вместе, учились в одном классе. Учился он здорово. Особенно по математике. Учительница его очень хвалила. Башковитый. Сызмальства разбирался в мотоциклах, когда подрос, шоферил, как я. Технику любит, любил всякие штучки придумывать. Как-то смастерил транспортер, чтобы мешки выгружать с машин. Вся деревня смотреть сбегалась. Вон, во дворе, видел же у него – машина стоит. Или трактор, не поймешь. Еще в советское время собрал. Колеса от машины, кабина от трактора, движок от «Беларуси», мосты, ходовка тоже от машины, тележка тракторная. И все на одной раме. Только в последнее время не видел, чтобы он его заводил. Бензин-то сейчас дорогой.

– А в шахматы он тоже в школе начал играть?

– Нет. В тюрьме.

– Он в тюрьме сидел?

– Да не раз. Шебутной он, когда выпьет. А по молодости так и подавно. Выпьет, так в драку сразу лезет. Видел же, как он вскипает, когда о чем-то говорит. С ним спорить бесполезно. Будет стоять на своем до конца. А подвыпившим мужикам много ли надо. Слово за слово – и драка. Сидел он три... так...да, три раза. Во второй раз когда сидел, я к нему ездил на свиданку, продуктов отвез, курева. Так вот, на зоне он научился играть в шахматы. Сам он не любит рассказывать, но те ребята, наши, что вместе сидели, говорят, он неплохо там жил. Там, говорят, или в карты играют, или в шахматы. Он всех обыгрывал, занимал особое положение.

– А на что играют?

– А на все. На деньги, на курево, на все остальное. И главное, там он помогал своим землякам. О нем всегда уважительно отзываются. Паразит, отсидит, выйдет, подерется – и снова туда. В этих пьяных разборках его сколько раз ножом полосовали. Он разденется, у него живот тоже весь в шрамах, как у меня. Отлежит в больнице, бросит пить на время, начинает тренироваться. Повесит мешок с песком и колотит. Интересный. Женился, у него две дочери, в городе живут. Не вижу, чтобы внуки приезжали. Бабка его раньше моей померла, года на два. Теперь не пьет. У него одна болезнь – шахматы. Куда бы он ни пошел, под мышкой у него шахматная доска. Удивляюсь, почему сегодня он без них. Участвует во всех шахматных соревнованиях в районе. Пешком ходит. Как-то приехали гости в нашу деревню, к Семенычу. И кто-то прознал, что среди них есть мастер спорта по шахматам. И как-то пришла в чью-то голову мысль, чтобы он сыграл с Елкапалкой. Людей набралось в клубе! Решили сыграть три партии. Первую сыграли вничью. Вторая – тоже ничья. А третью мастер спорта выиграл. Но он похвалил Елкапалку. Они еще долго беседовали, Елкапалка притащил из дома книги по шахматам, их у него много. Разбирали различные партии. Расстались друзьями, гость оставил свой адрес, телефон, договорились созваниваться.

– Дед, а в тюрьме разве можно в шахматы играть?

– А что, там не люди? Как говорится, «от тюрьмы...» Но не дай бог там оказаться. Но в жизни всякое бывает. Вот Елкапалка. Ведь не скажешь, что он в тюрьме сидел. Человек, как человек. Никогда не видел, чтобы он этим хвастался. Ребятишек учит в шахматы играть, разве это плохо. Они к нему домой приходят. И он, вижу, хочет, чтобы дети нормальными росли, не хочет, чтобы у них как у него жизнь сложилась. Ругается, как сегодня, когда что-то

у нас в жизни происходит не так, как надо. Нравнодушный человек.

– Дед, а ты сам в шахматы не играешь?

– Нет, не играю. Не тянет. Да и поздно уже. Но любимое дело должно быть у каждого. Чтобы он был увлечен этим делом, чтобы глаза у него горели.

– Как у ... Елкапалки?

– Да, как у него.

Чертова гора

Пришло время убирать сено. Стояли солнечные дни, и дед сказал, что нужно убрать то, что скошено. За эти дни, пока они косили (Петьку тоже возьмем в счет – помогал же!), дождей не было. Скошенная трава пожухла, высохла и шуршала под ногами. Дед починил одну из граблей – сломался зуб – и они принялись за работу. Нужно было сначала собрать сено с прокосов, сверху вниз, потом это собранное сено стаскать в одно место, где будет копна. Петька старался, но быстро уставал, крошки от ломающихся высохших травинок лезли за шиворот, пыль – в рот, он чихал, плевался, но работал. Дед искося поглядывал на него, подсказывал, как лучше держать грабли, вилы, как грести, чтобы не оставалось скошенных травинок. Вилы были тяжелыми, Петька их бросал, переходил к граблям. Вилы брал дед, начинал копнить. Устроив основание копны, дед подсаживал на копну Петьку – притаптывать сено. Петька лез на копну, тонул в сене, кое-как выбирался, помогая руками, притаптывал, но дед снова подавал следующую порцию на вилах, и Петька снова утонул. Теперь сено было у него везде: в волосах, на голове, под рубашкой, на спине и животе, в кроссовках. Он чесался, что-то недовольно бормотал, но работал. Когда копна была почти готова, дед помог Петьке слезть, а сам начинал из остатков сена завершать копну. Петька граблями собирал вокруг копны остатки сена, их дед ловко поддевал вилами и укладывал на макушку копны. Получилась красивая высокая копна.

Дед обошел ее вокруг, посмотрел:

– Ну, вот и готова первая копешка. Дай бог, не последняя.

Потом они снимали рубашки, отряхивались, немного отдыхали и снова принимались за работу. После второй копны у них был обед. Пока закипал чай в чайнике над костром, они по пояс помылись в реке. Пообедали. Сегодня дед отдых, как он говорил, «с дремотой», не устраивал. Погода не ждет. До вечера они успели собрать еще три копны. Работа закончилась намного позже, чем в те дни, когда они косили: нужно было убрать все скошенное. Поэтому дед разжег огонь, согрел чай и они сели ужинать.

– Приедем, будет поздно, поэтому здесь и покушаем. Доберемся до дому и спать.

Действительно, когда они выехали, было уже темно. Дневная жара куда-то исчезла, стало даже прохладно. Становилось все темнее и темнее. Дорога была еле видна, но лошадь шла уверенно, вовремя сворачивая куда нужно, повторяя извилины тропинки. Рядом шумела река, но шум ее был сейчас тревожнее, чем днем. Петька плотнее прижался к деду.

– Что, Петька, страшновато?

– Да нет, – ответил Петька, но в голосе его совсем не было уверенности. Он знал, что скоро они подъедут к Чертовой горе. Он немного знал об этой горе, пацаны рассказывали. Что якобы на этой горе черти водятся, и многих людей они ловят ночью и мучают. Чтобы не молчать, он спросил:

– А правда, что черти есть?

– А-а, ты про эту гору, Чертову. Да кто его знает, есть они или нет. Люди разное говорят.

– А они тебя ловили?

– Да не то, что ловили. Но был один случай. Давай, Петька, эти разговоры прекратим, проедем эту гору, не будем про чертей.

Когда они доехали до дома, Петька уже спал за спиной деда. Дед осторожно снял его с лошади, занес в дом, раздел и уложил спать. Петька так и продолжил спать, не проснулся.

А утром пошел дождь. А может и раньше начался, когда Петька встал, было уже одиннадцать часов. Дед сидел около окна, чинил уздечку.

– Ну, болит все?

– Руки-ноги не двигаются, болят.

– Но эта боль не страшная, пройдет. Поработали-то мы с тобой хорошо. Видишь, дождь пошел, мы с тобой успели собрать, что скошили. Хоть пять копёшек, но собрали. А теперь неизвестно, надолго ли ненастье.

– А на покос сегодня не поедем?

– Нет, сегодня у нас выходной. Видит бог, что мы с тобой вчера устали, вот и послал дождь.

– Ты же говорил, что бога нет.

– Я не говорил, что его нет. Я говорил, что не знаю, есть он или нет. Так же как и черти вчерашние.

– Да, ты обещал про них рассказать, как они тебя ловили.

– Ну ты даешь, уже и ловили, – рассмеялся дед. – Давай, умывайся, чай будем пить, потом разговор продолжим.

Петька открыл дверь, хотел было выскочить, но на улице лил сильный дождь. Он укрылся курткой, сбегал до туалета, но все равно немного промок.

– Поливает, как из ведра. А наши копна не промочит?

– Может. Смотря, какой дождь. Если сильный ливень или на несколько дней зарядит, промочит. Тем более, что копны-то свежие, сено не слежалось. Хотя бы несколько дней

постояли без дождя, тогда не так страшен был бы дождь. Но ничего, если промокнет, скинем верхушку, что промокло, высушим, и снова на место. Ничего страшного.

– А если не сушить?

– Тогда сгниет. Наше хорошее вчерашнее сено превратится в склизкую кашу, животного это есть не будет. Давай, приближайся к столу.

После завтрака дед снова подсел к окну, продолжил свою работу, а Петька уселся на кровати.

– Я готов!

– К чему это ты готов?

– Слушать про чертей.

– Ладно, слушай. Когда я был маленьким, как ты, находясь летом в колхозных бригадах, очень любил с другими пацанами слушать старших. Вечером мы все собирались около костра, разжигали его побольше, и взрослые начинали рассказывать. Были среди них и те, кто воевал. Услышишь и про войну, и про случаи на охоте, и про чертей, как ты хочешь. Гора, которую мы вчера проезжали, и ты испугался, молчи, знаю, что испугался, называется Чертовой, ты знаешь. Про эту гору идут разговоры очень давно. Что живут на этой горе черти. И кто появится ночью на этой горе, их ловят эти черти и мучают. Свяжут руки и ноги и оставляют на ночь. Утром очнется человек, а рядом никого, и руки не связаны, и ноги свободны. Прибежит человек в деревню, слова сказать не может, дрожит. Потом немного придет в себя, начинает рассказывать, но никто не верит. Если, говорят, связали, где же веревки. Тот соглашается: да, утром веревок не было. А потом одернет рукава, или приподымет штанины, а там, на руках и ногах – следы от веревок! Как не поверить. Или прискачет кто на лошади, тоже утром. На вопрос «где был всю ночь» ничего ответить не может, только мычит. Но потом вернется речь, расскажет. Проезжал ночью через эту гору

на лошади, и на самой вершине она остановилась. Он ее погоняет, она ни в какую, стоит на месте. Мужик вниз посмотрел, а у лошади копыта связаны! А он с лошади слезть боится: если слезет, и его поймают, свяжут. Так и просидел на лошади всю ночь. А когда рассвело, слез с лошади, хотел веревки снять, а их уже нет!

– А их он не видел? Чертей.

– Нет, их никто не видел. Могут чувствовать, что рядом, но видеть никто и не видит. Оттого и мурашки у всех по коже, когда знают, чувствуют, что кто-то рядом есть, а его не видно. Ну, слушай дальше. У тех, кто попадался к чертям ночью на этой горе, и память, и речь пропадала. Но потом через некоторое время возвращалась. А у одного речь не вернулась. Только мычал. Потом и рассудка лишился. А потом потерялся. Исчез из деревни, нету его. Искали несколько дней. И нашли на этой Чертовой горе, висел на дереве. Раньше, говорят, там одинокое дерево росло. На нижнем толстом суку и повесился. Сперва думали, что его черти повесили, но потом, когда веревку сняли, супруга его свою веревку признала. Родственники повешенного это дерево потом спилили и сожгли там же. С тех пор, говорят, черти-то и поугомонились, не ловят уже людей. Да и кого

ловить, туда ночью кто пойдет. Да и дорога раньше только через гору была. По низу, вдоль реки, где мы с тобой проезжали, дорогу позже пробили, тракторами. Еще можно с другой стороны обойти, но там место болотистое, редко кто туда сунется.

– А тебя как ловили? Ты хотел рассказать.

– Тебе не страшно слушать-то? Вообще-то тебе рано наверно, про все такое рассказывать. Хотя, я думаю, вы похлеще вещи и слушаете и смотрите. Так, нет?

– Да не страшно мне. А вот эту гору вчера ночью проезжать – да, было страшновато.

– Вот и рассказываю тебе я днем, вчера не стал. Ночь есть ночь. Ладно, слушай дальше. Работал я на бензовозе, закончил автошколу, дали мне старенький бензовоз. Пора сенокосная. Я должен был развозить солярку для тракторов, которые в полях работали. А это в разных местах. Пока все бригады проехал, трактора заправил, уже вечер. Возвращаюсь, уже стало темно. Подъезжаю к Чертовой горе, думаю, что делать. Историю то ее я знаю, с детства наслышан. Дорога только через гору. По низу дороги еще не было.

Но молодой был, храбрюсь еду, песенку насвистываю. Подъем на гору не очень-то высокий, преодолевается легко, да еще перед подъемом небольшой спуск. Скорость наберешь, можно преодолеть с разгону. Набрал скорость, но ее не хватило, хочу переключить со второй передачи на первую, и вдруг мою машину потянуло назад. Я по тормозам, мурашки по коже. Съехал вниз, остановил машину на ровном месте, открыл кабину, но не выхожу: и куда моя храбрость делась! Что делать, дрожащими руками снова за рычаги, сдаю немного назад, потом снова на пригорок, набираю скорость, на середине горы такая же история! Мою машину опять как будто кто-то рукой взял и вниз стащил. Я сажу, сердце колотится, пот градом. И вдруг как кто-то мне скомандовал: «Беги!» И я побежал, выскочил из кабины и побежал. В обход горы, по болоту. Как я там не увяз, не знаю. Пришел в себя только около деревни. Весь дрожу и вдруг ловлю себя на мысли, что ту песенку, которую начал насвистывать, подъезжая к горе, насвистываю до сих пор. Хочу остановиться и не могу.

Утром прибегаю к Елкапалке, рассказываю. Он ничего не сказал, предложил пойти к механику. Мы сели в его машину и поехали к механику. Он выслушал, спросил, не было ли в кабине еще кого. Внимательно на меня посмотрел, оделся и мы втроем поехали к Чертовой горе.

Оставив машину на горе, мы спустились к моей машине. Дверь со стороны водителя была открыта, мы обошли машину, ничего необычного не заметили. Механик сел в машину, завел (ключи были на месте), посмотрел на приборы, заглушил мотор. Потом залез на бочку, открыл крышку бака, посмотрел, закрыл и туго закрутил вентиль.

Спрыгнул на землю: «Езжай».

Я сел в машину, завел, разогнался. Но на середине горы случилось то же самое, что вчера! Но выйдя из машины с видом, что все-таки я был прав, удивился, увидев широкую улыбку на лице механика. Он посмотрел на меня, на Елкапалку: «Ты-то понял?»

Но ни он, ни я ничего не понимали. Механик улыбался.

– Все просто, до обидного просто. Или до смешного. Но это вы должны были знать. Вам это давали педагоги в автошколе. Но вы, видимо, прогуляли. Миша, у тебя в бочке полцистерны топлива, груза, то есть. А это очень опасный груз. Лучше, если бензовоз залит горючим полностью. А когда в бочке топлива только половина, при большой скорости на повороте центробежная сила бросает топливо на противоположную сторону бочки, и машина может перевернуться. Поэтому на бензовозе с неполным грузом ездить нужно осторожно, на малой скорости, без резких поворотов. И вот что случилось у тебя. Ты на скорости заезжаешь на гору, скорости у тебя не хватает, ты начинаешь переключаться. Скорость падает. Вся солярка в это время перетекает в заднюю часть цистерны, машину тянет назад, ты паникуешь, переключиться не успеваешь, потому что тебе кажется, что это черти.

Один за другим, все трое, мы начинаем хохотать. Вдоволь насмеявшись, мы садимся в машину. Механик рассказывает, как поступать в этом случае.

– Надо подъехать к подъему, остановиться, переключиться сразу на первую скорость и тихо, без резких рывков ехать в гору.

Я так и сделал, когда мы втроем сели в машину. Уже на горе, механик вышел из машины, походил, посмотрел вокруг, сказал:

– Здесь почему-то и деревья не растут. Было, говорят, одно... давно... А может, и не было: люди придумали. Ладно, поехали.

На войне не как в кино

Проходили дни, один за другим, как приехал Петька в деревню, помощником к деду. Был он у деда в гостях раньше, но совсем маленьким, помнит плохо. А сейчас он уже большой, в школе учится. Но отец с матерью поехали куда-то на море, Петьку не взяли. Да и Петька не особенно-то хотел. Был он в прошлом году на этом море, не понравилось. Жара, влажно, все время потеешь, а купаться пойдешь, вода какая-то липкая, тело после нее чешется. Да и народу – не протолкнуться. Дед спрашивает: как там, а сильно-то и рассказывать нечего. И чего папка с мамкой после поездки соседке, перебивая друг друга, вечерами про море рассказывают, непонятно.

Но у деда ему поначалу тоже было скучно. Детей в деревне почти не было, через два дома две девчонки живут, и пацан соседский, совсем маленький, года четыре. Даже не с кем в футбол поиграть. Как назло, телефон у него сломался, папка обещал купить к осени. Утешало то, что здесь интернета все равно не было.

Но когда они стали на сенокос ездить, стало интереснее. В первый раз он проехал на коне. Очень понравилась вода в речке – вкусная, не то что у них в городе. Очень многому дед его научил: и коня привязывать, и костер разжигать, и сено убирать. Но особенно нравилось Петьке слушать рассказы деда. Рассказывал он интересно. Петька узнал разные легенды, страшные и веселые истории из жизни живущих и живших здесь людей, он узнал про друзей, родственников деда. Рассказывал, как живут и чем занимаются его дяди, то есть сыновья деда. Один живет в соседней деревне, а другой где-то далеко.

И сегодня, когда третий день шел дождь, он подсел к деду. Тот что-то строгал из березовых сучков.

– Что делаешь?

– Готовлю зубья... зубы... Как правильно будет-то? Ты же видел на граблях. Они часто ломаются. И чтобы время не терять, выбиваешь сломанный зуб, меняешь на другой, - дед показал на несколько заготовок. – Несколько минут, и твои грабли уже снова в строю.

– Здорово. А грабли ты сам делаешь?

– Конечно. Кто ж мне ее сделает. Грабли на сенокосе, как винтовка в бою.

– Дед, а ты воевал?

– Да ты что, в войну меня еще не было. Родился я, когда война давно закончилась. Даже отец мой на войне не был. Дед воевал. Погиб через месяц, как ушел на войну. Но узнали мы, только когда война закончилась.

– А я думал... а вот ты же говорил, что фронтовиков слушал, как они воевали.

– Фронтовиков помню, их было человек десять, вернувшихся живыми. А уходило человек двадцать пять. У нас в бригаде, во время сенокоса, когда я еще маленьким был, два фронтовика было. У одного глаза не было, он отрачивал волосы и длинным чубом прикрывал то место, где глаз должен быть. Звали его Иваныч, Сергей Иваныч. А у другого деда, Никиты Петровича, ноги не было. Ниже колена. Вместо ноги деревяшка. Ее он утром привязывал к ноге, а вечером отвязывал, когда спать. Когда днем на жаре отвяжет, отбросит в сторону, мы сбегались поглазеть. Петрович поглаживал эту свою культю, она была мягкой и красной.

– И они работали, сено косили?

– Косили, никто им поблажек не делал. Это сейчас днем с огнем ищут фронтовиков, найдутся те, кто и отношения не имели к войне и носятся с ними, как кошка

с салом. А тогда все на равных, Сергей Иваныч и сено косил, и на коне ездил, и на охоту ходил. Шустрый был. И Петрович тоже работал, как и все работники.

– А они ... умерли?

– Конечно, сколько времени прошло. Ни одного фронтовика сейчас нет. Кто с ранениями – первые умерли. И потом остальные, по одному. Старость...

– И они рассказывали, как с немцами воевали?

– Рассказывали, но не очень. Никита Петрович вообще мало говорил. Работник хороший, всегда в передовиках ходил. Но молчаливый. Про войну вообще ничего не рассказывал. Рассказывал больше Сергей Иваныч. Но все смешное он рассказывал.

– А немцев они убивали?

– Но это же война, Петька. Как без этого. Вот сейчас вспоминаю, как рассказывал Сергей Иваныч. Слушай:

– Война, ребята – это не игрушки. Про войну хотите узнать, в кино не ходите. Война – не кино. Вот в кино показывают, как шуплая девчонка – санинструктор вытаскивает большого раненого мужика с поля боя. Вранье! Я не воевал с немцами, да, не воевал, имеется в виду, не закидывал гранатами танки, не поливал из автомата немцев, идущих во весь рост под наши пули, как в фильмах показывают. Я был санинструктором. Да, да. Нас отобрали, крепких, сильных и определили в взвод санинструкторов. Да, были там и девчонки, но они в основном оказывали первую помощь в окопах, помогали врачам при операциях. А на поле боя их никто не посылал. Туда шли мы. В перерывах между атаками наша задача была как можно быстрее подползти к стонущему, кричащему раненому бойцу и притащить его в окоп. Здесь его сдаешь как раз девчонкам-санитаркам, и снова на поле боя. А если туда отправить девчонку, пока она будет возиться с каким-нибудь раненым бугаем, прости меня, господи, ее

снайпер немецкий и шлепнет вместе с раненым. Хотя, с нашей стороны тоже снайперы следили за ихними, но они же позиции меняют постоянно, не то, что в кино. Если нет снайперов, работаешь спокойно. Но опять и на немца раненого можешь нарваться. А что с ним девчонка может сделать, если он с ножом или с автоматом? Так что пришлось и своих санинструкторов с поля боя вытаскивать.

Как-то не успел я вернуться с раненым в окоп, началась бомбежка. Артподготовка, грамотнее сказать, перед очередной атакой. Самое страшное на войне. После этого даже в окопах живых оставалось немного. Это сейчас в кино показывают, как после бомбежки все, кто лежал, встают и бегут с криком «Ура!», как ни в чем не бывало. А на войне, когда разрывались снаряды, земля сотрясалась, людей попеременно с землей подкидывало в воздух, разрывало на части. Кругом крики, стоны, кровь. Я тащил старшего лейтенанта, он был ранен: осколки попали в его ноги, они были в крови. Чтобы переждать бомбежку, затаскиваю его в воронку от снаряда. На дне воронки, прислонив его к земле, стал осматривать его ноги. Нужно было перетянуть жгутом, повыше ран. Вдруг замечаю, кто-то тоже запрыгнул в окоп. Думаю, боец, тоже от бомбежки прячется. Оглядываюсь – фриц! Он запрыгнул в воронку, но когда осмотрелся, увидел нас. Он вскинул автомат, а у меня в руках только жгут. До него метра три. Думаю: все, хана. Прозвучали выстрелы. Немец сделал несколько шагов, почему-то опустил руки и повалился на меня. Я ничего не могу понять, а немец здоровый, я пытаюсь выбраться из-под него, а на меня кровь его льется. Я откидываю немца в сторону и оглядываюсь на своего раненого офицера. А у него в руках пистолет. Он через силу улыбнулся, рука его опустилась и он потерял сознание... Нет, он не выжил. Я его все-таки дотащил, но бомбежка долго не прекращалась, пока пережидали, он потерял

много крови, умер. Я узнал его имя, он был откуда-то из Сибири. Я был на волоске от смерти, он меня спас. А у самого, у него, не было этого волоска. Так что, ребятаки, война, это не кино, это не игрушки...

Литовка

Даконец-то с сенокосом было покончено. Дед с Петькой собрали пятнадцать копен сена, на одну корову хватит. Когда будет время, сосед Семеныч на своей машине перевезет это сено к деду, в деревню. Приехали отец с матерью.

– Папа, ты заканчивал бы с этими коровами, – говорила мама Петьки. – Сил-то уже мало, отдыхал бы.

– А это и есть отдых. Свежий воздух, работа физическая, помощник хороший. Да, Петька? Вам зимой молока наморожу, вышло. А может, сами приедете. Да Ваське мясом помогу, бычка заколю на зиму. К нему-то заедешь?

– Нет, думаю. Крюк делать, десять километров. Да и чего заезжать, у него одна песня.

Дед потрепал Петьку за волосы: «Ну, Петька, бывай. На будущий год приезжай. Литовка будет готова. Да, чуть не забыл, в склад надо заглянуть. Сегодня же схожу. Приедешь?»

– Приеду, дед, обязательно приеду.

Лето прошло, Петька снова окунулся в шумную городскую жизнь, началась учеба. Петьке купили новый телефон, или вернее – смартфон, лучше, чем был. Все в классе рассказывали где отдыхали, где были за лето. Кто-то был за границей, в Тайланде, или еще где; кто где, короче. Учительница по русскому как всегда, дала задание написать сочинение, кто как отдыхал, тему сочинения продиктовала такую: «Каких друзей я приобрел за лето». Петька сперва подумал про детей в деревне, других друзей он не приобрел, да и какие они друзья. Спросил у учительни-

цы: «Наталья Николаевна, а про друзей, только сверстников, или и про взрослых можно?»

– Я думаю, нет в дружбе ограничений. Если среди взрослых приобрел друзей, пиши про них.

Петька сидел, думал. Как-то он не думал над тем, может ли ему дед Миша другом быть. Но раз учительница говорит... Начал писать. И получилось такое сочинение:

Мой дед Миша

Летом я ездил на море. С папой и мамой. Прошлым летом. А в этом году я поехал в деревню, где моя мать родилась, к дедушке. Его зовут Миша. Михаил. Он хороший, мы с ним подружились и готовили сено. У него есть корова, только тогда она была в тайге. Я ее не видел. У деда Миши есть конь, Рыжиком зовут. Он добрый, я на нем катался. Больше у деда никого нет. Ни кошки, ни собаки. Даже бабки, она померла. А собаки у него нет, потому что он хотел Найдю утопить. Но она убежала и другие собаки тоже не приходят. Еще у деда есть друг, Елкапалка. Он тоже хороший, сидел в тюрьме. Очень хорошо играет в шахматы. Когда приезжают мастера спорта по шахматам, он их обыгрывает. Он обещал меня научить хорошоиграть в шахматы. Сказал, что это в жизни пригодится.

У дедушки детей трое, моя мама и дяди Вася и Толя. Я видел только дядю Васю. Мама говорит, что он пьет водку. Когда мы были на покосе, дядя Вася приезжал к нам. Сказал, помогать приехал. У него с собой была бутылка водки, он ее пил, а утром уехал. Но дед его жалеет, потому что он один, дает ему деньги из своей пенсии. На продукты.

Еще я научился лазать на кедры. За шишками. Они были сырые, как говорил дед, их мы варили дома в ведре

и щелкали. Вкусно. Дед рассказывает разные легенды, истории. Мне нравится его слушать. Я узнал, почему озеро около покоса называется Девичьими слезами, почему гора называется Чертовой и многое другое. Интересно было слушать, как жил дед в жизни. Несколько раз чуть не умер, два раза в детстве и один раз уже взрослым, в аварию попал. Но не умер, решил жить дальше.

Мне очень нравилось смотреть, как дед сено косит. Дед траву скосит, а оно начинает пахнуть, очень вкусно. Лучше, чем на море. Он меня в будущем году научит косить сено. Сделает мне литовку за зиму. И я буду ему помогать. За лето дед мне стал настоящим другом. Я думал, что он мне только дед, а оказалось, он еще и другом может быть. Я не знал. Через год я обязательно к нему приеду.

... Но это желание Петьки приехать к деду не сбудется. Однажды вечером, когда Петька пришел домой после тренировки, отец сидел один.

– А где мама?

– Уехала в деревню. Дедушка умер...

А в деревню Петька все-таки попал. Мама решила продать дедушкин дом. И на ближайших выходных она собиралась в деревне встретиться с покупателем. Петька спросился тоже. Была зима, когда приехали, долго не могли открыть дверь в дедушкин дом. Все снегом завалило. Пока у соседа лопату взяли, пока ключи подбирали...

В доме было пусто. Хорошие вещи: стулья, посуду, прочее забрал дядя Вася, остальное соседям раздали. В доме было только ненужное, старое. Петька подошел к окну, где любил сидеть дед и что-нибудь мастерить. Вот лежат несколько запасных зубов для граблей, вот ручка, из тальника согнутая, стянутая шпагатом, тоже запасная. И тут в углу он увидел литовку. Она была воткнута в щель между бревнами, лезвием к стене. «Чтобы никто не порезался», – вспомнил Петька дедушкины слова. Он осто-

рожно вытащил литовку, стал осматривать. Она новой не была, но не была и использованной – не была отбита. Петька знал, как выглядят отбитые литовки. В некоторых местах выступала ржавчина. У основания, на пятке, в месте крепления, он увидел два круга, в них какие-то буквы. Петька положил на пол литовку, взял рядом лежащую тряпку, и стал оттирать. Грязь со ржавчиной пополам оттирались легко. Потом поднялся, подошел к окну и стал рассматривать. Синяя краска, которой была покрашена литовка, во многих местах облезла. В одном круге Петька увидел какой-то большой знак, как будто несколько букв вместе, пониже, наверное, год выпуска, «1972г», а во втором круге большая цифра «8» а ниже, цифры «3 руб 60 к».

– Петька, что ты там увидел? – Подошла мама к нему. – Положи на место.

Но Петька наоборот, прижал свою находку к груди:

– Это литовка. Моя литовка...

СОДЕРЖАНИЕ

Подарок	8
Дети Николая Ивановича	14
Карбюратор	25
Взятка	31
К маме	42
Забудь свое имя	50
Семь лампочек	74
Лучший друг	91
Рассказы деда Миши	99
«Герасим»	99
Ангел-хранитель	105
Ёлкапалка	118
Чертова гора	125
На войне не как в кино	133
Литовка	138

*Отзывы направляйте на этот адрес:
jadaganov@yandex.ru*

Подписано в печать 05.03.2020 г. Формат 84x108^{1/32}.
Объем 4,5 п.л. Тираж 50 экз.